

Светлана
АЛЕШИНА

Ошибка ПРИРОДЫ

ЭКСМО

Сериал
«Александра»

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Ошибка природы (сборник)
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961735

*Алешина С. В. Ошибка природы. Парящая в небесах: Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-004912-9*

Аннотация

Ему помешали. Он не успел дойти до детективного агентства всего несколько метров, когда в него выстрелили. На месте преступления Александра, помощница детектива, нашла дорогой мужской носовой платок, источающий тонкий запах «Кензо». С этим происшествием совпадает визит в агентство некой Софьи. Кто-то проникает в ее квартиру, оставляя после себя все тот же утонченный аромат. Саша подозревает, что эти два дела каким-то образом взаимосвязаны. Но какую цель преследует убийца, посещая пустую квартиру Сони?! Похоже, любитель дорогого парфюма предпочитает театральные игры. Но и Саша не прочь сыграть свою роль в этом маленьком частном спектакле...

Содержание

Ошибка природы	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	76
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Светлана Алешина

Ошибка природы (сборник)

Ошибка природы

Глава 1

Эта ночь была омерзительной. До трех часов я не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок, как занудная старуха, обремененная годами и грехами. В квартире стояла та температура, которую уж никак не назовешь комнатной, поэтому встать, выбравшись из-под одеяла, и пройти на кухню за снотворным было выше моих возможностей. Завтрашний день обещал стать тяжелым и полусонным, а уговорить свой организм заснуть мне никак не удавалось.

Я поплотнее закуталась в одеяло и попробовала считать медленно, как облака, плывущих в небе слонов, но это совершенно не помогало. Мой мозг отказывался сосредоточиться на таком наиважнейшем деле, как подсчет слонопоголовья, упорно думая на мрачновато-философские темы.

И почему, интересно, ночью тебе на ум приходит всякая пакость?

Нет, ну сами вспомните, станете ли вы размышлять, ска-

жем, о бренности человеческого существования днем? Вряд ли. А вот ночью просто погружаешься в эти самые дурацкие размышления, так что становится не по себе.

Наконец все-таки решилась, выпрыгнула из-под одеяла. Холод приятно освежил, я тряхнула своей лохматой гривой и прошлепала на кухню, стараясь не разбудить мать.

Затворив кухонную дверь, я зажгла свет и выдвинула ящичек с лекарствами. Из снотворного оказался только банальный димедрол.

Я налила воды и бросила взгляд за окно.

Улица освещалась белым светом луны. Жуткое зрелище, скажу я вам! Одинокий фонарь тщетно пытался оживить картину уютным и привычным желтым цветом. Луна победила его, и теперь улица казалась зловещей, как ухмылка дьявола.

– Мерзопакость какая! – поморщилась я. – И дернул же меня... ну, не стану я поминать в эту ночь его поганое имя, не спать именно сейчас, в полнолуние!

Свет завораживал, как в детской сказке или в идиотском «готическом» романе. Красавица, не в силах сопротивляться великой магии луны, выходит на улицу и оказывается в ловушке. На нее тут же наезжают призраки и тени, бедняжка что есть сил отбивается, но тщетно, и тут прекрасный юноша, естественно, плененный ее неземной красотой, оказывается рядом!..

– Все так, – хмыкнула я. – Только мой прекрасный юноша,

судя по его окну, расположенному прямо напротив моего, глубоко и безмятежно дрыхнет, а красавица из тебя, радость моя, к слову сказать, не больно-то и неземная! Если вчера маменька, узрев мальчика с рекламы шоколадок «Нестле», радостно завопила, что ты – один к одному этот рыженький мальчик, то вряд ли с этакой «шоколадной» внешностью кто-то сподобится назвать тебя мечтой своей жизни!

Правда, плакать-то по этому поводу я тоже не собираюсь. Какую внешность дал господь – такую дал. Главное, чтоб не забыл при этом и шоколадку выдать.

Я зевнула – наконец-то! Димедрол делал свое дело.

– Ну и сияй тут себе на здоровье, – мрачно улыбнулась я луне. – Мальчику с рекламы давно пора спать. Бай-бай!

Я помахала луне пальчиками и отправилась прямиком под мое теплое одеяло.

* * *

Утро ворвалось с бестактностью дворника.

То есть в роли дворника выступала мама, которая трясла меня за плечо и кричала:

– Саша! Ты проспала!

– Ну и что? – задала я резонный вопрос. Открывать глаза смерть как не хотелось.

– Время уже девять!

– Вечера? – зевнула я.

– Сашка, вставай! Андрей Петрович уже звонил.

Ах, черт побери! Не хочу я на эту работу, спать хочу... Человек ведь не может только и делать, что работать, работать, работать! Он не робот. Он хочет иногда зарыться в одеяло с головой, погружаясь в сон, и валяться до следующего утра, послав на все четыре стороны свою работу, если даже она и связана напрямую с преступностью. Вот плюну на все... Могу же я заболеть, например? Вот я и заболела. Простыла! Мечты становятся реальностью, и Сашенька отсыпается. Мысли об этом были сладкими, как конфетки в ярких обертках. Я бы охотно еще поразмышляла над этим, но имя Ларикова подействовало отрезвляюще, как холодный душ. Я встряхнулась и вскочила.

– Теперь он точно уволит меня.

– Да брось ты! Добежишь, и все будет в порядке, – успокоила меня мама.

– Добегу и уволит, – оспорила я ее оптимистическое утверждение.

– Ты попробуй! А то, по неизвестным мне причинам, расселась с чашкой кофе и совершенно не думаешь спешить.

– Какая любящая мать! – улыбнулась я. – Вот просто не чает, как выгнать собственное чадо на мороз с голодным желудком!

– Чадо не останется с голодным желудком, – ответила жестокосердая мать, нахально ухмыляясь мне в лицо. – Любящий начальник накормит.

– Любящий начальник прикует меня кандалами к стене и будет бить кнутом за опоздание, а потом уволит.

– Интересно взглянуть, как он будет это делать, – мечтательные глаза матери возбудили во мне первобытный ужас.

– Вот уж не знала, что тебе доставят радость мои нечеловеческие муки и страдания! – ужаснулась я.

По ее взгляду стало ясно, что мои попытки продолжить нашу беседу на этот раз будут пресечены.

– Иду, – проворчала я. – Если не вернусь вечером, считай меня посмертно пионеркой.

– Господи, – воззвала мать, – почему у меня, такой интеллигентной и хорошо воспитанной женщины, получилась такая наглая дочь?

– Надо спрашивать не у господ, – заявила я. – Надо спросить у своей совести. Воспитала-то меня именно эта самая, хорошо воспитанная женщина.

Последнее слово осталось за мной, поскольку после заключительной фразы я уже вылетела на улицу.

О, как тут было гадко!

Холод просто омерзительный. А влияние бессонной ночи усугублялось абсолютно серым небом.

– Ужас, – пробормотала я, пряча нос в воротник. – Только садисты могут заставить человека работать в такую дурацкую погоду. Человеколюбивые граждане наверняка позволили бы мне поваляться на кровати в состоянии полусонной неги. Но вот такая пошла у нас селяви, и никуда от этого не

деться.

Слава богу, на горке замаячил автобус, и очень скоро я уже ехала навстречу своей тяжелой судьбе в лице драгоценного моего босса, Андрея Петровича Ларикова, и непосильной работе в его детективном агентстве.

* * *

Открыла дверь, внутренне сжавшись. Ну, сейчас мне выскажут все, что накопилось за время моего отсутствия!

– Здрасьте, – пролепетала я, еще не рискуя открыть глаз.

Ответом было молчание.

Я осторожненько открыла один глаз и увидела Андрея Петровича, смотрящего на меня молча, но с таким крутым невысказанным укором, что я вздохнула.

И открыла второй глаз.

– Я проспала, – призналась честно.

– Я понимаю, – кивнул он.

– Так получилось.

– Конечно, я и сам вижу, что у тебя это получилось, и очень даже неплохо.

Я хмыкнула, сняла куртку:

– Ты меня уволишь теперь?

– Нет, – покачал он головой. – Напротив, Александра Сергеевна. Я решил взвалить на твои плечи дело. Поскольку у меня их невпроворот, именно этим займешься ты. Самосто-

ательно. Без моей помощи и надзора. Гонорар будешь зарабатывать самостоятельно, и, может быть, проспав пару раз, поймешь, что именно в момент твоего цветного и сладкого сна ты теряешь заработок...

Не удержался все-таки, чтоб не подколоть, ну не смог удержаться!

Но в целом я обрадовалась. Наконец-то! Конечно, я не обольщалась, зная, что приличного дела он никогда мне не предложит.

Поэтому, когда он открыл файл с надписью «Гордон», я уже предчувствовала, что дело, так сказать, мне выпадет «семейное».

– Значит, так... – начал Лариков многозначительно. – Гордон Андрей Вениаминович. Пятьдесят шесть лет. Жена Флора и дочь Ольга. Вот в этой дочке все дело. Что-то с девочкой у него совсем не клеится. Вроде бы Ольга Гордон нормальная девица, учится в универе на историческом. Двадцать два года – почти твоя ровесница. Может быть, тебе ее легче будет понять. Андрей Вениаминович очень перепуган. Причину хотел сообщить конфиденциально, так что через пятнадцать минут ты узнаешь все в подробностях. Я его предупредил...

– Понятно, – вздохнула я. – Дурные компании дочки не дают покоя отцу. Саша появляется, как добрый ангел, и объясняет юной Гордонше смысл бытия.

– Ты сама-то его понимаешь? – поинтересовался Лари-

ков. – Смысл бытия?

– Нет, но это неважно, – передернула я плечами. – Главное – подобрать красивые слова, а это я умею. Все?

– Нет, не все. Вот самое интересное.

Он перегнал на файл «Тамилина».

– Вот. Если ты помнишь, дело о Римме Тамилиной. Прошлый месяц. Умерла от передозировки наркотиков.

Я помнила. Кажется, мы пытались опровергнуть подозрение Римминой мамы насчет того, что имело место убийство. Но ничего тогда не нашли. Хотя я до сих пор подозреваю, что мама была права.

– По этому делу у нас проходила компания Римминых друзей. И – вот что интересно – я обнаружил тут знакомую фамилию. Оля Гордон.

Он закрыл файл и посмотрел на меня.

– Знаешь, я все прокручивал, почему фамилия такая знакомая. И тут вспоминаю о Римме. Так вот, Оля была ее подругой. Она и тогда показалась мне отстраненной. И напуганной. А с утра позвонил ее отец, в полном шоке, что-то с Олей. Объяснить по телефону отказался. Ты справишься?

– Не-а, – протянула я лениво. – Куда уж мне...

– Сашка, надо быть серьезной. Значит, поступим так – я сейчас отчаливаю по делу Разумовского. А ты ждешь Гордона. Если управлюсь быстро, то появлюсь. Все зафиксируй, поняла?

– Вроде бы ты отдал это дело мне, – напомнила я. – По-

этому можешь заниматься своим Разумовским до полного изнеможения. Детка взрослая, детка сама управится.

Он с сомнением посмотрел на меня и сделал вид, что поверил в мои способности.

Хотя сама я, наблюдая, как исчезает за дверью его долговящая фигура, искренне в своих способностях сомневалась.

Но доказать-то обратное хотелось, правда?

* * *

В офисе царила праздная тишина. Я успела изучить все перипетии трудного жития господина Гордона, но отчего-то сам он все еще не появлялся.

Прошло пятнадцать минут, потом еще пятнадцать, потом еще час. Гордона не было.

Я уж стала подумывать, что Лариков просто подшутить надо мной изволил. Вот тебе, Саша, дело, но само дело какое-то пропащее. Этакая месть за мое опоздание. Лучше бы я спала до этого вот часа!

Сидеть и ждать всегда невероятно скучно. К тому же я начинала злиться – то ли на пропавшего клиента, то ли на моего босса.

Злиться я не люблю – весьма занудное дело. Поэтому я достала из пакета книгу и уткнулась в нее, дабы утопить в стихотворных строчках свою разрастающуюся скуку.

Открыла я, конечно, классное место.

Я знаю, что вельможа и бродяга,
Святитель и безбожнейший поэт,
Безумец и мудрец, познавший благо
И вечной истины единый свет,
И дамы в нежном кружеве колет,
Сколь ни пышны чины их и владенья,
Будь в ценных жемчугах они иль нет,
Узнают смерти тоже приближенье.

Естественно, от таких предсказаний душа не будет на месте. В общем-то, ничего другого я от своего невидимого дружка и не ожидала.

Поэтому книгу я закрыла и стала крутить ручку приемника, в надежде поймать какую-нибудь бессмысленную и веселую песню, способную поднять стремительно падающее настроение.

Конечно, мне жутко не везло. Везде, как нарочно, народ решил предаться тягучей меланхолии, и даже на «Русском радио» почему-то решили включить не обычную свою радостно-пошлую бурду, а Цоя.

Может быть, в стране объявили траур?

Уф! На одной волне у меня получилось.

Радостный Рики Мартин изо всех сил старался повысить мой жизненный тонус!

Я даже изобразила пару пируэтов, но...

Именно в этот момент зазвонил телефон, и я бросилась к

нему, так как звонить могли два человека – Лариков, которому я высказала бы все, что думаю по его поводу, или клиент, которого я дожидалась.

– Алло, – сказала я в трубку, пытаясь придержать дыхание, участившееся после моих «рокнролльных» пируэтиков.

– Саша? Андрея Петровича нет?

Я сразу узнала голос Ларикова друга и учителя Медведева. Из прокуратуры. Он явно был чем-то озабочен.

– Нет.

– А когда будет?

– Понятия не имею, – честно призналась я. – Что-то случилось?

Он замешкался, явно раздумывая, относиться ли ко мне как к ребенку, взятому Лариковым на воспитание, или как к взрослому человеку. Наверное, его прижало круто, потому как он решился и выпалил в трубку:

– Понимаешь, Саша, он нам очень нужен. Обнаружено тело неизвестного мужчины, пятидесяти примерно лет. Документов при нем нет, кроме одной визитной карточки – Андрея Петровича Ларикова. И, судя по месту обнаружения, он направлялся к вам. То есть я не исключаю такой возможности. Не мог бы Андрей Петрович опознать этого человека?

В моей груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Почему-то я подумала, что это мог бы быть и Гордон, и скорее всего...

– Гордон, – прошептала я.

– Что ты сказала, Сашенька?

– Ничего, – одернула я себя. Что за манера накликать несчастья? Может быть, Гордон жив-здоров. Просто задерживается. – Я передам ему, как только он появится.

– Спасибо.

Он приготовился повесить трубку.

– Подождите! – закричала я.

– Что?

– А где вы его обнаружили?

– Возле мусорных баков. Чистый переулок. Прямо рядом с вами.

– Знаете, если срочное дело, попробуйте кинуть ему сообщение на пейджер, – посоветовала я.

Он обрадовался. Я продиктовала номер и повесила трубку.

Да уж! Я сделала попытку сосредоточиться на своих делах, которых у меня, как назло, не было. Поэтому я постаралась их придумать.

Вытерла пыль с компьютера. Перебрала файлы, разложив их в строгом порядке.

Но мысли все возвращались к разговору. Почему-то я упорно связывала найденный труп с Гордоном. Наверное, просто такова особенность человеческой психики. Ты кого-то ждешь, поэтому, когда этот человек не приходит...

Конечно, полный бред, решила я. И вообще – не мое это дело. Может быть, он и сам справился со своей проблемой,

потому и не явился в назначенное время?

Но любопытство гнало меня вперед.

До Чистого добегу за две минуты. Я не пыталась даже разобраться, к чему мне это. Человек-то я импульсивный. Сначала делаю, потом думаю.

Накинув куртку, вылетела на улицу.

Его уже увезли – только абрис тела, нарисованный мелом.

Два контейнера с мусором. В них копалась старушенция да еще бездомная собака. Чистый переулок был фактически пустынным местом. Ночью тут вообще лучше бы и не ходить, а если уж кому приходится, никак не обойтись тому без охраны.

Я стояла и смотрела на контур фигуры, напоминающий портрет Кисы Воробьянинова работы Бендера.

– «Узнают смерти тоже приближенье», – прошептала я.

Смерть вторглась в мой мир, и я почти физически ощутила – это касается меня. Еще не знаю как и не знаю почему – но...

Холод пробрал меня до костей.

Я резко развернулась и пошла прочь. К теплому офису, где, похоже, мне никогда уже не дожидаться Андрея Вениаминовича Гордона.

* * *

Вернувшись в «теплый офис», я завернулась в пушистый

плед, который позаимствовала с кровати в неофициальной части лариковской квартиры.

Сразу стало уютно и дремотно. За окном начался дождь, и от этого на душе скребли унылые кошки, которым явно не хватало общества.

Поэтому звонок в дверь я восприняла с активной радостью.

Слава богу, мой клиент просто запаздывал. Он жив и здоров.

Я распахнула дверь и, не глядя, радостно воскликнула:

– Наконец-то! Я думала, вы уже не придете!

– Простите... Андрей Петрович на месте?

Недоуменно посмотрев, я обнаружила, что на пороге стоит бледная и очень хорошенькая женщина, напоминающая нарцисс.

– Здравствуйте, – кивнула я. – Андрея Петровича нет.

Простите, я просто ждала другого человека.

– Я поняла, – растерянно улыбнулась она. – Значит, Андрея Петровича нет?

– Нет, – развела я руками. – Вы можете дождаться его. К тому же, возможно, я смогу вам помочь?

– А кто вы? – спросила она.

– Его помощник, – честно ответила я. – Тоже детектив, но младший.

– Да мне без разницы, – махнула рукой женщина. – Я так измучилась, что возвращаться не хочется. Может быть, вы и

вправду сможете мне чем-нибудь помочь?

Глава 2

Она прошла и так уютно уютилась в моем кресле, что я даже не стала ее пересаживать. Редко кому удастся втиснуться в него с подобным изяществом!

Мне эта странная дама показалась похожей на редкую бабочку, случайно залетевшую на огонек. Сейчас взмахнет крыльями и отлетит в сторону вон того облачка, странно светящего на темном небе.

Она явно чувствовала себя неловко. И я, чтобы сгладить эту дурацкую неловкость, спросила:

– Кофе будете?

Она радостно закивала своей аккуратно причесанной головой.

– А можно?

– Конечно, – поднялась я. – Даже нужно в такую пасмурную и холодную погоду. Кстати, если вы курите, то пепельница вот.

Я поставила перед ней новое приобретение Ларикова.

Не в силах бороться с моей страстью к курению, некурящий босс купил где-то гадкую китайскую пепельницу в виде синей машинки, причем нахально утверждал, что эта пепельница с угольным фильтром. В принципе, при нем я терпела это идиотское жужжание. Если ему кажется, что так меньше вреда для его здоровья, пускай. Чем бы мой босс ни

тешился, лишь бы не плакал.

Она достала сигарету, пробормотала «спасибо» и закурила. Я открыла машинку. Сразу раздалось непотребное жужжание, отчего гостя как-то нервно дернулась и вытаращи-лась на это чудо, как туземец на телевизор.

– Что это? – спросила она едва слышно.

– Пепельница, – пояснила я. – С вентилятором. Правда, гадость?

– Нет, очень мило.

Она поежилась и глянула на меня таким потерянным взглядом, что мне стало стыдно. В конце концов человек замерз, и ему хочется горячего напитка.

– Сейчас, – пробормотала я, бросаясь на кухню.

Когда я вернулась с кофе, она сидела, сцепив на коленях тонкие пальцы, и мечтательными своими глазами смотрела куда-то вдаль.

– Кстати, меня зовут Саша, – сообщила я.

– Ох, простите... Я как-то забыла, что вы не знаете моего имени. Вы очень приятный человек, Саша, такое ощущение, что мы знакомы целую вечность. Меня зовут Софья Александровна. Соня.

Она произнесла это с такой трогательной улыбкой, окончательно сделавшей ее похожей на «мимолетное видение», что я не могла не улыбнуться в ответ.

– Так что с вами произошло? – приступила я к разговору. Прелюдии были окончены, а если человек тащился сюда в

этакий холод, значит, его, простите, круто прижало.

– Не знаю, с чего начать...

Она неуверенно посмотрела на меня. Кажется, очень стеснялась.

Боже мой, неужели она хочет того же, что и большинство наших клиентов? Чтобы я проследила за ее мужем, например?

– Это так все странно, – пролепетала она едва слышно. – Вы можете посчитать меня сумасшедшей. Но... Я больше не могу находиться в собственной квартире, Саша! Мне страшно!

* * *

Бедная женщина выглядела действительно напуганной и расстроенной.

– Вы, наверное, будете смеяться надо мной. Когда я обратилась в милицию, они выслушали мой рассказ с тем стойким скептицизмом, который так естественен, пока...

Она комкала платок, и ее губы шевелились. Если она вела себя так и в милиции, то представляю, как они там ржали!

Соня действительно сейчас была похожа на крайне неуравновешенную даму.

А уж ее рассказ и вовсе на первый взгляд мог показаться полным бредом!

– Понимаете, Саша, в моей квартире что-то происходит, –

подняла она на меня испуганные глаза. – Если бы я была фантазеркой, назвала бы это полтергейстом. Но... Я же не идиотка, правда?

«Ну откуда мне знать», – хотела воскликнуть Саша-насмешница, которая так и спешит выпрыгнуть, как черт из табакерки, в самый неподходящий момент.

Но добрая Саша усилием воли затолкала эту нахалку глубоко внутрь и помотала с готовностью головой:

– Нет.

– А именно так они и подумали. Даже присоветовали мне обратиться по адресу. Я уже потеряла всякую надежду, но тут наткнулась на ваше объявление.

Словно боясь, что я не поверю, заподозрив ее в том, что на самом деле она подслана вражескими агентами, она достала из сумочки скомканную газетку с объявлениями и протянула мне.

– Все понятно, – терпеливо сказала я. Как будто мне было так важно, откуда она узнала о бренном существовании Андрея Петровича Ларикова и иже с ним. – Так что там происходит с вашей квартирой? Начинают летать ножи и сам собой включается телевизор?

– Ну вот. И вы туда же... Да ничего этого нет. Просто я захожу в свою квартиру и вдруг понимаю, что там кто-то был. О, нет! Ничего не украдено. Все на своих местах. Только запахи – одни лишь запахи. Сигарет, которые я не курю. Духов, которыми я не пользуюсь. Книга, которую я не читаю, поче-

му-то лежит раскрытая на столе. Какие-то еле уловимые нюансы, по которым ты определяешь, что, кроме тебя, в квартире живет еще таинственный некто. И однажды я даже видела его!

– Как? – вытаращилась я на нее. – То есть все-таки призрак?

– Почему призрак? – устало отмахнулась от меня Соня. – Нет. Я однажды приехала с гастролей раньше. Заболела гриппом и вернулась. Я балерина, и если простужаюсь, лучше полежать дома. Так вот, вернувшись, я, естественно, никому ничего не сказала. И сразу залегла в постель с твердым намерением отоспаться. Чувствовала себя отвратительно, голова гудела, но ночью...

Она замялась. Похоже, что то ночное событие сильно ее взволновало, потому как сейчас она заново переживала тот ужас. Ее зрачки расширились, а тонкие ноздри трепетали, выдавая учащенное и взволнованное дыхание.

– Я проснулась от чувства опасности. Знаете, иногда так бывает... Тебе снится какая-то муть, и чувствуешь, что надо бы срочно проснуться... От температуры чаще всего снятся кошмары, не так ли? Так вот, я проснулась и увидела, что в углу стоит тень. И смотрит эта тень прямо на меня. Я вскочила и спросила: «Кто вы?» Тень замерла, мне было ужасно страшно, я потянулась к выключателю, и...

– Ну? – сгорала я от нетерпения. Ужасно люблю страшилки! Ожившие мумии всякие пленяют мое детское воображе-

ние. – Оно на вас накинлось? Вы его увидели, да?

– Нет. Он метнулся в сторону, хлопнула дверь... Все. После этого я попросила попочевать у меня племянницу Машу. Все время, пока она была со мной, ничего не происходило. Но Маше надо жить своей жизнью. К тому же сейчас она собирается замуж. Ей не до меня. Я решила, что все это было просто каким-то наваждением, время все стирает. Страх мой приобрел зыбкие очертания, и я решила, что все, случившееся со мной, просто бред воображения. Морок.

– Ну здравствуйте, – недовольно протянула я. – Ваша-то тень вела себя как человек. Вышла через дверь, а не через окно! Какой же это морок? Нормальный морок будет вести себя куда приличнее...

– Какое-то время все было спокойно. Но неделю назад все началось по той же схеме. Он вернулся, Саша. И теперь ведет себя совершенно непонятно. Потому что я стала находить реальные подтверждения его присутствия. Он хочет, чтобы я знала о нем. И мне страшно. Чего он добивается, Саша? Моего ужаса? Ведь любому на моем месте станет не по себе!

– Еще как, – подтвердила я. – Если бы он решил пожить у меня, я бы постаралась его выследить.

– Я пыталась! Это невозможно. Он точно знает, когда меня нет. Он никогда не заявится, если я дома. Более того – я пыталась узнать у соседей! Его никто не видел. Все тарашат на меня глаза, а самые откровенные вертят пальцем у виска! Я в каком-то тупике, Сашенька. Но больше так жить я про-

сто не могу.

– Хорошо, а видеочамера? Вы пробовали?

– У меня ее просто нет, – развела она руками.

– Устроим, – пообещала я. – Думаю, дело это не такое уж и сложное. Может быть, это просто бомж?

– Бомж, от которого пахнет «Кензо», – рассмеялась она. – И который прошлый раз сподобился забыть вот этот галстук, купленный не иначе как в «Паритет Фэшн»? Нет, Саша, он не бомж! И ключей я не теряла. Ни разу. Тем не менее он прекрасно проникает в мою квартиру...

– Ну, это не такая уж проблема, – рассмеялась я. – Ключ от моей квартиры подходит еще к двум. Я открываю им еще квартиру моей подруги Вероники и вот этот самый офис! Вопрос в другом...

Я задумалась. И в самом деле – непонятный субъект! Может быть, он просто романтично влюбился? Но от его тени веяло чем-то неприятным и зловещим.

– За каким фигом ему все это надо? – спросила я скорее саму себя, чем клиентку.

* * *

Когда она ушла, я попыталась все обдумать.

Честно говоря, ситуация, в которой оказалась Соня, была совершенно идиотской. В конце концов я пришла к выводу, что все очень даже нужно проверить.

То есть у меня даже начал складываться план действий, но в этот момент дверь распахнулась и в офис вошел Лариков.

Был он совершенно растерянный и грустный. Не снимая пальто, которое делало его похожим на английского аристократа начала прошлого века, он прикрыл глаза и попросил:

– Сашик, голубчик, сделай кофе, пока я не умер от болей в голове! Этот туман меня доконает.

Такой вежливо-ласковой формы обращения я уже давно от него не слыхала. Поэтому, чрезвычайно удивленная, отправилась на кухню. Ну и денек сегодня выдался! Не иначе как влияние полной луны.

Вернувшись, я уселась напротив него, скрестив ноги, и поинтересовалась:

– Тебе дозвонились?

– Ага, – медленно, еле ворочая языком, произнес Ларчик.

– И?

– Гордон, – сказал Ларчик, вздохнув. – Гордон, которого убили по пути к нам. Грязная история, Сашка! Спасибо за кофе, я начинаю приходить в себя.

– Что думают менты?

– А они вообще думают? – усмехнулся Лариков. – Нет, я не спорю, там есть несколько человек, которые еще не утратили этой способности. Но дело досталось как раз не им. Ванцову. А этот никогда не обладал способностью к мышлению. Он решил, что убил Гордона какой-то бомж. Собственно, жильцы дома, возле которого найден труп Гордона, по-

казали, что возле мусорных баков вечно крутятся подозрительные личности.

– Крутятся, – кивнула я. – Совершенно шизанутая старенькая леди в кружевной рваной мантилье да еще собака, линялая, как мои джинсы после стирки. Они как-то в мои представления об убийце не укладываются. Старуха просто немощна, а собака не умеет работать оружием.

– Плюс ко всему, откуда у бомжа револьвер? Да еще с глушителем... Понимаешь, Сашка, у меня создалось впечатление, что Ванцов твердо вознамерился отправить это дело в «нераскрываемые». И это, Сашик, меня напрягло.

Он вертел чашку в своих узких ладонях и задумчиво хлопал длинными ресницами.

– Ну ладно. Чего думать об этом? Все равно никто нам этого дела не поручал, оно у милиции, и мы с тобой не имеем права вмешиваться с нашими измышлениями, пока нас об этом не попросят...

– Когда я думаю об этом, чувствую свое бесправие, – обиженно проговорила я. – Кроме того, мне совсем не нравится, что убийство Гордона на сто процентов постараются повесить на несчастного бездомного алкоголика. Или на несчастную старушенцию в такой красивой мантилье. Или вообще на ни в чем не повинную собаку...

– И что ты предлагаешь? – вскинулся Лариков. – Лезть поперек «батьки»? Ты их плохо знаешь, радость моя! Особенно Ванцова! Этот наступит на тебя, сплющит и пойдет

дальше!

– Как это – сплющит? – совсем разозлилась я. – Позвольте, но я не люблю, когда меня «плющат»! Я его сама расплющу!

Он долго смотрел на меня, а потом начал хохотать.

– Сашка, ты совсем еще ребенок! Такой славненький, воинственный ребеночек! Ладно, давай забудем о Гордоне. Если здесь появится его жена и попросит нас этим заняться, дело другое. У нас будет право им заниматься. А пока давай думать о других вещах. Ничего, кстати, нового?

– Нового?

Я задумалась. Надо ли говорить о Соне? В конце концов, он же обещал мне самостоятельное дело.

– А ты подтверждаешь, что я сама могу заниматься исследованием? – осторожненько спросила я.

– Смотря каким, – кивнул он. – Если оно не связано с убийством. Если это не сексуальный маньяк. В общем, если твоей жизни ничего не угрожает.

– Скорее всего нет, – честно ответила я. – Кто-то бывает у одной женщины, когда ее нет дома. И оставляет следы своего пребывания на виду. Может быть, он ведет психическую атаку, стремясь ее запугать или свести с ума?

– А может быть, твоя женщина просто с ума сошла сама, – фыркнул Лариков. – Так чего ты хочешь?

– Пока не знаю. Сегодня вечером я буду у нее, чтобы самой посмотреть, где расположена квартира. Прикину, как он

туда попадает, и главное, попробую представить, зачем он это делает. Должно же быть что-то, о чем она забыла. Может быть, он ищет какую-то вещь?

– Ладно, судя по всему, это дело как раз для тебя. Только если поймешь, что женщина все-таки обманывает...

– Нет, – покачала я головой. – Она очень перепугана.

– Значит, сама обманывается. Хотя... Сашка, а ведь это может быть опасным! Если она сумасшедшая, вполне может оказаться буйной!

Он смеялся.

– Прекрати! – обиделась я. – Она мне сама сказала, что он оставляет там вещи! Даже показала мне. Галстук.

– Ерунда, – фыркнул он. – Галстук может принадлежать ее любовнику. Или она его купила. Чтобы поубедительнее навешать тебе спагетти.

– Лариков, – взмолилась я. – Когда-нибудь ты будешь относиться ко мне серьезно?

– Сашка, серьезно я отношусь только к врагам, – ответил он. – Надеюсь, ты никогда не станешь моим врагом?

– Если это необходимое условие для того, чтобы ты относился ко мне серьезно, не могу этого обещать, – высказалась я и, засунув себя в куртку, добавила: – Мне пора, мон шер. Надо ведь еще забежать домой, предупредить маму, что сегодня я приду очень поздно.

– И Пенса, чтобы он за тобой приехал, – строго напомнил Лариков. – Сашка, ты же не будешь шляться по ночам одна?

У меня вообще-то были кое-какие планы насчет сегодняшней ночи. Но я решила, что Пенс мне не мешает, и согласилась с Лариковым.

– Кстати, завтра я немного опоздаю, – сообщила я. – Поскольку неизвестно, когда вернусь.

– Ладно, маленький рыжий ангел, – махнул рукой Лариков. – Только, пожалуйста, не подвергай себя опасности!

Ну вот этого я ему обещать никак не могла!

Глава 3

Времени у меня было не очень чтоб много. Поэтому, когда я влетела в свою квартиру и начала метаться по ней, наскоро утепляясь, маменька моя скептически нахмурилась, прислонившись к стене со скрещенными на груди руками, отчего безумно напомнила мне памятник Чернышевскому. Тем более что ее стрижка и очки на носу делали их сходство практически один к одному.

– Ты напоминаешь мне вихрь торнадо, – заметила моя «чернышевская» маменька. – Может быть, ты все-таки употребишь некоторое число калорий? При таких стремительных движениях ты очень скоро истончишься.

– Ну и очень полезно мне истончиться, – сказала я, продолжая собираться.

– Зачем тебе два свитера на один организм? – спросила маменька.

– Организм не должен замерзать, – охотно объяснила я. – Мой организм спит и видит, как ему подцепить насморк. А пристальные наблюдения показали мне, что красный нос не очень идет моим рыжим волосам.

– А питать его не надо?

– Надо, но мало, – я осмотрела свою фигуру. В двух свитерах и надетой сверху папиной куртке я выглядела омерзительной кубышкой. – Фигура у меня, прямо скажем, не для

подиума.

– А ты куда собираешься? – осведомилась мама.

– Разве что продемонстрировать моды для полных детей, – фыркнула я. – Не забыв при этом засунуть в зубы шоколадку «Нестле»...

– Удивительная способность к самоуничижению, – показала головой мама. – Хотя бы имела совесть да пожалела меня. Поскольку ты мое чадо и похожа на меня и моего супруга, но когда ты подвергаешь свою внешность несправедливой критике, ты намекаешь на то, что либо я была дурна собой, либо у меня дурной вкус. Так?

– Ну уж про вас я ничего не говорю, – поспешила оправдаться я. – Может быть, я удалась такой жуткой кошелкой в тетю Веру?!

– Бедная тетя Вера! Какая же ты вредина! Насчет кошелки не знаю, но нахалка ты точно первостатейная! Несчастливая тетя Вера регулярно притаскивает тебе из Америки подарки, а ты называешь ее жуткой кошелкой!

– Да я себя так называю! А ты всегда все переворачиваешь!

Я чмокнула ее в нос.

– Еда? – строго спросила мама, указуя перстом на кухню.

– Когда приду.

– А когда вы изволите прийти?

– Поздно, – лаконично ответила я.

И вылетела из квартиры.

Пенса, как назло, дома не оказалось.

Дверь мне открыла Пенсова мама, которая пыталась отбиться от Пенсова же племянника – довольно занудного мальчугана двух лет, тут же уставившегося на меня с плотоядным восхищением. То, что малыш уже давно ко мне благоволил, я знала. Это, наверное, у них семейное. Страсть к рыжеволосым девицам, похожим на мальчика с шоколадной рекламы. Наверное, подобным образом они удовлетворяют свою потребность в шоколаде.

– Ыжик писел, – пролепетал мой поклонник и резко дернул за волосы.

– Сенька! – возопила Пенсова мама. – Прекрати дергать ее за волосы!

– Касивые, – меланхолично поведал юноша-акселерат.

– Да ладно, пускай, – милостиво разрешила я. – А где Сережка?

– Уехал, – сокрушенно сообщила мама Пенса. – Куда-то в центр. Что ему передать?

– Жалко, – развела я руками. – Он когда приедет?

– Поздно, сказал. Ты ему позвони!

– Хорошо, позвоню, – пообещала я и побежала дальше.

Было немного обидно. Пенс ведь обещал постоянно и неотлучно находиться при мне, а сам куда-то смылся в такой

неподходящий момент! Именно сейчас, когда он так мне нужен.

Надеюсь, мой неверный друг не проводит время хотя бы в компании порочных и распутных женщин?

Я двигалась с реактивной скоростью. Туман, царивший повсюду днем, сейчас немного рассеялся, принесся тепло.

Очень скоро показался дом Сони, и я прибавила шагу.

Надо было торопиться, чтобы успеть сделать оба дела. Второе было, правда, глубоко тайным и опасным, но я надеялась, что Пенс вернется к тому времени, как я начну заниматься тем, что представляет столь серьезную опасность для моего здоровья.

* * *

Соня выглядела очень уставшей и несчастной. Мне даже подумалось, что она плакала – ее веки немного опухли и покраснели.

– Добрый вечер, Саша, – попыталась выдать она из себя улыбку. Мне показалось, что сейчас вместо улыбки последует вселенский плач, но Соня взяла себя в руки.

– Может быть, не вовремя? – испугалась я. Ужасно не люблю мешать людям предаваться чему-то глубоко личному – будь то радость или отчаяние! Я и сама-то ужасно злюсь, когда кто-то мешает мне поплакать, если очень хочется. По моему строгому убеждению, каждый человек имеет право на

выражение своих личных эмоций в полном одиночестве.

– Нет, – замотала она головой с поспешной готовностью, – просто... Ну, да не будем об этом, ладно? Лучше давайте поговорим о нашем таинственном госте. Вы вино будете?

Меня ожидает участь глубоко спившейся женщины, подумала я, немного удивленная тем, что это не вызывает у меня ни отчаяния, ни уныния. Как будто страшно весело быть спившейся женщиной.

Я согласилась.

Она достала длинную изящную бутылку с темно-красной жидкостью.

– Мое, – гордо сообщила Соня, – из моего же собственного винограда.

Вино оказалось чудесным. Аромат был живым и как бы пульсировал, словно кровь в венах. Это было живое вино, и я посмотрела на Соню с уважением. Человек умеет не только «батманить», но и делать чудесное вино! А вот я какая-то полная незадача, разгуливающая неизвестно зачем по земле! Толку от меня никакого, могу только совать свой курносый нос в чужие дела!

Она обвела взглядом свою квартиру – такую же изящную и грустную, как сама хозяйка.

– Раньше нас тут много собиралось, – вздохнула Соня. – Все пили вино, много смеялись... Ох, Сашенька, иногда приходится выбирать, и как часто за этот выбор приходится платить слишком дорого!

Она опять посмотрела в сторону, пытаясь скрыть набежавшие слезы.

– Ладно, это к делу не относится. Просто сегодня умер человек, которого я любила. И поэтому мне хочется плакать. Он был очень славным человеком, Саша. Необыкновенно добрым и отзывчивым.

Я не настаивала на том, чтобы сегодня, раз уж так вышло, мы говорили о бестактном посетителе ее квартиры. Но Соня сама собралась и сказала:

– Хотите посмотреть мою спальню? Я, кстати, ума не приложу, как он сюда проникает.

– Ключ, – напомнила я.

– Ну, ключ. Но ведь, когда ты вставляешь ключ в замочную скважину, открываешь дверь, хлопаешь ею – кто-то должен это слышать. Когда ты поднимаешься по лестнице, кто-то должен тебя увидеть. А его никто не видит и не слышит. Кроме меня... Как будто он становится невидимым. Этакий «человек-невидимка». Пойдемте.

Она изящно поднялась – бог ты мой, как бы мне хотелось передвигаться с такой же грацией! Рядом с ней я ощущала себя слоном в посудной лавке!

Мы прошли по коридору в самый конец. Квартира была из разряда «бывшая коммуналка». Старинная, с темным коридором и тремя разрозненными комнатами.

Поэтому к спальне пришлось брести в полутьме – даже яркая лампочка в сто ватт полностью не могла осветить чер-

тов коридор.

– Зачем вам такая огромная квартира? – поинтересовалась я.

– По идее, я должна жить тут не одна, – ответила Соня. – С Машей. Но Маша пока живет с родителями – так ей удобнее. Вон та комнатка ее. А мне и не надо ничего, кроме спальни и кухни! Раньше – да. Яркий свет, гостиная, наполненная людьми... Смех, разговоры, музыка. Все такие яркие личности, все талантливы. Куда все уходит, Саша, вы не знаете? Впрочем, вы еще слишком юны, чтобы знать...

Она открыла дверь.

Спальня ее была такой странной и самобытной, что я оглянулась на хозяйку в немом восхищении.

Все было выполнено в стиле «печворк» – покрывало на кровати, занавески с аппликацией в виде жирафа, коврик на стене!

– Вау! – вырвалось у меня. – Вы все это делали сами?

– Конечно.

– У меня начинается комплекс неполноценности, – вздохнула я. – Красивая женщина. Балерина. Умеет делать вино и вот такие штучки!

Соня польщенно засмеялась, пытаясь скрыть смущение.

– Ну, балерина-то я никакая, так, в кордебалете. А сейчас совсем на пенсии – ноги болят. Правда, раньше я вела студию в Доме культуры, даже неплохие результаты были...

Она уставилась в одну точку, и по ее лицу опять пробе-

жала тень. Что-то в жизни этой женщины было не так. Видимо, был один порожек, через который ей не удалось про- вести свое каноэ.

* * *

В ее спальне было уютно. Но была она маленькой.

– Вот сами и смотрите, – Соня обвела рукой свое нехитрое жизненное пространство. – Например, я прихожу и вижу, что вон та книга...

Она достала том Шекспира и протянула мне.

– А, ладно, – передумав, махнула рукой. – Сама сейчас вам покажу.

Перелистав страницы, она открыла ее и швырнула на кро- вать.

– Вот так лежит, – посмотрела Соня на меня. – А теперь подойдите и прочтите. Мне просто любопытно, что бросится вам в глаза. Какая строчка.

Я подошла. Честно говоря, мне стало не по себе. Я как бы на мгновение стала этой женщиной, вернувшейся домой. Она видит фолиант, брошенный на кровать, прекрасно зная, что не брала в руки Шекспира лет пять, как минимум. Самовольно том спрыгнул с полочки на кровать. Да еще и от- крылся на таком небезынтересном месте.

Отрывок из «Гамлета, принца Датского».

ГАМЛЕТ. Для какого мужа праведна ты ее роешь?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Ни для какого.

ГАМЛЕТ. Тогда для какой женщины?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Тоже ни для какой.

ГАМЛЕТ. Для кого же она предназначена?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Для особы, которая, сэр, была женщиной, ныне же, царствие ей небесное, преставилась.

Бр-р-р!

Я отбросила том подальше.

Вряд ли у человека сохранится веселое настроение, если по приезде он найдет вот такое на своей собственной постели.

«Ныне же, царствие ей небесное, преставилась».

Можно ли отнести это к разряду угроз? Чего добивается некто, оставляя такое «послание» другому? Панического страха? Дать знать, что в мире есть человек, желающий тебе смерти?

– Да уж, – пробормотала я. – Если вы наткнулись на то же самое место, представляю, как вам стало...

– Может, он просто читал это? – с надеждой в голосе спросила Соня, поежившись, будто от холода.

– Может быть, – пробормотала я. Пришел сюда почитать Шекспира. Как в библиотеку. А потом просто забыл поставить книгу на место?

– Соня, а Маша...

– Что вы, Саша! И не думайте так о моей Машеньке! Она никогда не заходит в эту комнату без меня. Маша очень хорошая девочка. Тургеневская барышня, совершенно неприспособленная к жизни, а уж тем более к интригам! К тому же я его видела, Саша! Это мужчина. Высокий, стройный, я даже почти уверена, что у него приятная внешность, хотя и не видела лица.

– К тому же интеллигентный, – фыркнула я. – Любит почитать в чужой квартире классику! Не выйти ли нам всем за него замуж?

– Не смейтесь, – тихо попросила она. – Сейчас мне очень страшно, Сашенька! Потому что теперь я осталась совсем одна. Никому не нужна, понимаете? Сегодня ушел последний человек, который относился ко мне с любовью. Поверьте, Саша, это...

Она судорожно глотнула.

– Кто он был?

– Даже после его смерти мы должны сохранять все в тайне, Саша. Он был женатым человеком, а я...

Соня подняла на меня свои беззащитные глаза, и я поняла – разговаривать об этом она не будет.

– Я была его... другом, и не будем об этом больше! Клянусь вам, он не имеет никакого отношения к нашему таинственному посетителю!

– Получается, что никто из ваших знакомцев не может строить против вас такие подлые козни. И этот незнакомец,

судя по всему, просто заходит к вам погреться? Ну, разве еще книжку почитать. Что-нибудь еще он оставлял после себя? Кроме галстука, аромата «Кензо» и мрачноватых строчек из классики, от которых веет запахами древнего кладбища?

– Да, – кивнула Соня. – Оставлял. Но я это выкинула.

– Как? – удивилась я.

– Саша, это было в самый первый раз. Тогда я не отнеслась к этому серьезно. А тот букет давно засох, к моменту моего появления.

– Что это было?

– Розы, – пожала она плечами. – Черные розы. Большая редкость, не знаю, где он их раздобыл. Букет черных роз, и одна красная.

– Как в романсе. «Черная роза – эмблема печали». Наш «поэтический незнакомец» изо всех сил старается навеять на вас печаль, вам не кажется?

Соня расправила складочку на платье и вскинула на меня свои огромные глаза.

– Кажется, – кивнула она, прошептав одними губами.

– Мне это не нравится, потому что лично я нахожу ужасно бестактным вваливаться к человеку в жилище специально затем, чтобы навеять на него печаль!

– Иногда в мою безумную голову приходит, что это...

Она оборвала себя на полуслове. Теперь она напряженно смотрела в окно, как будто там мужская фигура разгуливала

по облакам с томом Шекспира наперевес.

– Что вам приходит в голову?

– Что это призрак, – прошептала она с благоговейным ужасом.

– Ага, – кивнула я. – Тень отца Гамлета. Все неймется старикину. Правда, он немного перестроился. Теперь он носит дорогие галстуки и пахнет фирменным одеколоном! Не смешите вы меня, Соня! Призрак, который ведет себя так, во все не призрак! Это какое-то Кентервильское привидение! Он же хочет нагнать на вас страху, а вот зачем? Вы даже не пытаетесь помочь мне понять это! Вас послушать, вы давно живете в небесах, и вас окружают сонмы херувимов и серафимов! Ни одного гада на всю компанию!

В это время хлопнула входная дверь.

Соня сразу замолчала, напряженно вслушиваясь в осторожные шаги, приближающиеся к двери.

Даже мне стало немного не по себе. А ну как сейчас откроется дверь и на пороге возникнет фигура в белом, опутанная веригами, и при этом не забывшая надушиться как следует, и повязавшая поверх истлевшего савана галстук из «Паритета», с букетом черных роз в костлявой руке?

Я совершенно не имею опыта обращения с ходячими мумиями!

– Сонь?

Голос был женский.

Соня облегченно вздохнула. Я тоже, признаться, почув-

ствовала себя куда спокойнее.

Дверь открылась. На пороге, слегка прищурившись, стояла девушка. Я задохнулась от завистливого восхищения. Она была представителем той породы ухоженных девиц с длинными ногами, которым лично я безумно завидовала. Оглядев нас с надменной вежливостью, столь свойственной этим лошадкам чистых кровей, она произнесла:

– Ох, как я испугалась! Думала, тебя нет, а свет горит.

– Знакомьтесь, – смущенно сказала Соня. – Это моя племянница Маша. А это...

Соня замешкалась, явно затрудняясь отрекомендовать меня правильно.

– Моя новая подруга Александра, – наконец-то решилась она, не придумав ничего лучше.

Маша равнодушно посмотрела на меня и коротко кивнула:

– Очень приятно.

У некоторых людей присутствует такая бесподобная черта, как умение тактично показать кому-то, что он тут совершенно неуместен. Маша относилась именно к таким натурам. Она села на краешек дивана, изящно скрестив свои фешенебельные ноги, и стала демонстративно-скромно рассматривать ногти на руках.

Ее молчание так умело показывало, как я тут некстати, что мне захотелось остаться. Назло. Не то чтобы мне не нравилась Сонина племянница – о, что вы! Я была восхищена

тонкими чертами ее лица, только чего-то в ней не хватало.

Как и большинство умело накрашенных девиц, она, простите, напоминала Галатею, которую забыли нашпиговать душой. Этаким ходячий манекен с абсолютно правильным поведением. Все было выверено до мельчайших нюансов, даже легкий наклон головы, призванный показать окружающим безупречно-строгий овал лица.

Я бы осталась, но стрелки часов неумолимо приблизились к опасному времени. Через полчаса я начну отчаянно рисковать. Дело мое хоть и тайное, но промедление смерти подобно.

– Можно позвонить? – поднялась я.

– Конечно, – рассеянно кивнула Соня, которую наш с Машей незадавшийся тандем явно тяготил.

Подойдя к телефону, старинному, как и все в Сониной полутемной квартире, я набрала номер Пенса.

Трубку взяла его мать.

– А Сережка не вернулся? – спросила я, втайне надеясь, что вернулся и не так страшно будет шастать по подвалам Чистого переулка.

– Нет, – сказала Пенсова мать. – Похоже, Саш, он явится только к утру.

– Ладно, – вздохнула я. – Больше не буду звонить. Придется обойтись без него.

– Саш, может, ты еще подождешь? – осторожно спросила она.

– Да без него справлюсь, – отмахнулась я и повесила трубку.

Противный парень! Бросить меня в тот момент, когда он мне так нужен.

Я вернулась к спальне и уже готова была открыть дверь, как услышала всхлипывания Сони и утешающий голос ее племянницы. Кстати, утешала она точно так же ровно и бесстрастно, как и жила.

Такой у нее, видимо, был имидж. Или – вернее, вот такой у нее был «стил лайф». У кого какой! У меня вот по подвалам шастать в попытках выяснить у бомжей хоть что-то о случившемся в Чистом переулке!

– Сонь, я понимаю, но нельзя же так убиваться!

Я заглянула в щелку. Соня сидела, вся подобрившись, и отчаянно смотрела вдаль. Как человек, твердо решивший выпрыгнуть из окна.

– За что его убили? – бормотала она. – За что?

Я осторожно приоткрыла дверь.

Маша обернулась, и ее равнодушные, немного коровьи глаза вспыхнули неожиданной злобой.

– Я хотела сказать, что мне пора идти, – промямлила я, как-то мгновенно растерявшись под напором этой ярости.

– Так идите, – насмешливо прошептала она. – Дайте человеку немного побыть наедине с его горем. Я передам, что вы позвоните.

– Спасибо, – проговорила я и очень тихо прикрыла дверь.

Странные у них, однако, взаимоотношения!

Глава 4

Мои мысли напоминали трудолюбивых пчелок, в поисках меда перелетающих с одного цветка на другой. Правда, мысли порхали, пытаясь постичь смыслы двух совершенно разных случаев.

– Умный человек никогда не делает то, что постоянно вытворяет эта глупая Александра Сергеевна, – мрачно поведала я водосточной трубе в одиноком и злонамеренном Чистом переулке.

Интересно, какому крестину приспичило обозначить этот донельзя замусоренный переулок, заставленный мусорными контейнерами, Чистым? Посмеяться он, что ли, решил?

«Глупая» Александра Сергеевна Данич, которой чего-то не хватало в жизни, и я подозревала, что не хватает ей именно приключений на собственную задницу, деловито огляделась.

Переулок вымер, напоминая один к одному триллерные декорации, и я поежилась. Врать не буду, не от холода. Если человеку страшно, это еще не повод прятать свой страх. Так же, как и не повод прекращать поступательное движение к намеченной цели. Дома здесь пытались прилипнуть друг к другу – он был таким узким, что казалось, будто ты идешь между двух стен. И, как все старинные проулки, хранил старческую брюзгливость седой вечности. Конечно, где уж тут

быть приветливым! Насколько мне известно, достославный переулок подлежит сносу, и никто в этих домах, дышащих друг другу в окна, уже не живет (кроме еще не переехавших стариков и бомжей).

– Надо же было так прилепить дома, – проговорила я озираясь. – И какому остолопу захотелось совершить убийство в таком вот неподходящем месте...

Из мусорной кучи, возле которой все еще маячил меловой силуэт, слегка размытый снегом, с жутким воплем вылетели две ободранные кошки. Они выпрыгнули почти на меня – и я отскочила, едва не вмазавшись в стенку. Я вскрикнула. Я даже перекрестилась и перевела дух.

Тем не менее цель моя была близка, поскольку присмотрела я этот подвальчик еще днем.

Оттуда в близлежащие дома не очень щедро, но все же подавалось тепло, а где ж еще собираться тому «благородному обществу», в котором я сейчас нуждалась, в такую промозглую ночь, как не возле тепленьких труб и котлов?

Лариков, надо думать, меня отлупит, но ведь я ничего криминального не творю, а? Ведь я вовсе не занимаюсь расследованием, пытаюсь вырвать из рук у несчастного Ванцова кусок хлеба, а просто сую свой любопытный нос куда не просят!

В конце концов тот, кто по неизвестным мне причинам решил убить несчастного Гордона с проблемной дочерью, лишил меня гонорара и тем самым насолил мне лично. Мо-

жет, я такая вот меркантильная, что никак не могу этого простить, и из чувства благородной мести, подозревая, что Ванцов упустит, решила отловить его сама?

Кстати, может, я тренируюсь, твердо решив освоить профессию «охотника за головами»? Вон сколько отваливают за Басаева, лет пять можно не работать. Натренируюсь как следует и приступлю к отлову террористов!

Успокоив себя, как всегда, исключительно глупыми мыслями, так как от умных не успокаиваешься, а наоборот, я открыла дверь в подвал.

Постаралась-то я сделать это очень тихо, но давно несмазанная предательница так заскрипела, что, пожалуй, все спящие вокруг вздрогнули во сне, подумав, что находятся в старинных замках с привидениями.

Кстати, о привидениях...

Но не будем сейчас переключаться, потому как я заметила в подвале быстрое движение по углам и поняла, что если это, конечно, не крысы огромных размеров, то, значит, такие же двуногие, как я.

– Эй, – позвала я тихонько. – Есть тут кто-нибудь?

Сначала ответом было только затаенное дыхание и мрачно-угрожающее сопение.

– Да не бойтесь вы меня, – повторила я свою попытку завоевать доверие местных «туземцев».

Туземцы на меня реагировали как им и подобало. На контакт не спешили.

Вспомнив испанских конкистадоров, я решила приманить их благами цивилизации.

– Хотите, я пива принесу? – жалобно прошептала я, искренне опасаясь, что мое предложение им понравится и мне придется тащиться по ужасному Чистому переулку еще два раза.

Они занялись обдумыванием моего предложения. Обдумывали, конечно, шепотом, и я с ужасом поняла, что все обсуждающие этот вопрос являются, судя по тембру их голосов, детьми!

«Бог мой, – подумалось мне, – я-то ожидала увидеть бездомных взрослых алкашей, а тут малолетки в таких жутких условиях!»

Я отступила на шаг, боясь столкнуться лицом к лицу с тем, о чем раньше только читала. С этой бедой обездоленных совсем юных представителей человечества.

– А ты кто? – раздался наконец ломкий голосок, изо всех сил старавшийся походить на взрослых.

– Я? Частный детектив, – призналась я честно.

– Не из ментуры? – опять спросил меня тот же голос.

– Нет. Я же сказала, я – частный детектив. Мне нужно поговорить с вами.

Они подумали еще минуту и наконец меня спросили:

– А сигареты есть?

– Есть, – кивнула я.

– Ладно, подожди.

Чиркнула спичка. Свет свечного огарка в этой дыре показался мне таким зыбким и нереальным, как и несколько пар глаз, устремленных на меня.

Передо мной действительно оказались маленькие дети – девочки – самой младшей лет семь, а самой старшей – около двенадцати.

Боже мой, какими же они были брошенными!

* * *

– Правда, не мент, – удовлетворенно осмотрела меня старшая девица и протянула ладонь.

Я ошибочно приняла сей жест за приветственный и, гордая собой, пожалала протянутую мне грязную ручонку.

– Тьфу, я же сигарету хотела! – топнула ногой юная нахалка.

– Ах, сигарету...

Я протянула ей пачку, к которой сразу же потянулось несколько ручонок, но девица хлопнула по самой крошечной ладошке, сурово заявив:

– Дашка, тебе еще рано. Поняла?

После воспитательного момента малышка отползла в угол, где обиженно засопела, а старшие с наслаждением затаились, как развращаемые индейцы, и с любопытством стали меня разглядывать.

– Вы тут всегда живете? – спросила я.

– Только зимой, – мотнула головой старшая из девиц. – А сейчас прячемся. Тут ментура шарит, из-за «жмурика», которого утром нашли. Если они нас поймают, то уж наверняка сдадут обратно в приют. А там эта гюрза...

– Ага, значит, вы сбежали из детдома, – догадалась я.

– Не сбежали мы, – возмутилась девчонка. – Ушли. Потому что эта гюрза кого хочешь доведет.

– А ты правда детектив? – подлезла ко мне малышка.

– Правда, – кивнула я.

– Дашка, отползай! – прикрикнула на несчастную Дашку старшая. – Вечно вмешиваешься во взрослые разговоры!

Я уже было протянула руку, чтобы прижать ребенка к себе, но старшая девица грубо цыкнула на меня.

– Не делайте этого!

– Почему? – искренне удивилась я.

– Потому что она потом как собачонка за вами бегать будет, – объяснила девочка. – Мы за ней вечно гоняемся. Один раз ее дядька порочный поманил, просто по головке погладил, так пришлось ее отбивать... Я, правда, этому козлу так по яйцам закатила, что он еще лет сто никому не помешает!

Она рассмеялась неожиданно приятным, мелодичным смехом. Правда, оказалось, что у нее нет половины зубов, но все равно – я залюбовалась ее мордашкой.

Маринка – так ее звали, – если ее отмыть, получилась бы настоящей красоткой. Правильные черты лица с немного высокими скулами, большие глаза, опущенные густыми ресни-

цами, и волосы пшеничного цвета. Наверное, именно так с ней и нужно поступить!

– А вы тут одни живете?

– Нет, – помотала Маринка головой. Средняя девочка угрюмо молчала, рассматривая меня с откровенным интересом. Ее звали Юля, и была она похожа на маленькую представительницу племени индейцев. Черные гладкие волосы, заплетенные в тонкие косички, раскосые глаза...

– А где же остальные?

– Прячутся, – пожала плечом Маринка. – Их вообще отправят в приемный пункт для беженцев, а им это тоже на фиг не нужно. Они из Туркмении сдернули. Старикан с дочкой и мальчишка. Только они по-русски почти не секут. И еще тут Любка иногда тусуется, но она уже третий день на промыслах. Подвал большой, места всем хватает!

Справедливо рассудив, что от незнающих русский туркмен и Любки, которая уже третий день на неведомом промысле, толку не будет, я решила, что толку следует ожидать только от этой «великолепной» троицы. Ведь если они не выходили отсюда, значит, момент убийства от них не укрылся.

А если они видели, то, судя по их смышленным мордашкам, наверняка смогут описать это происшествие.

– Тут не только милиции бояться надо, – вдруг заговорила Юля и мрачно посмотрела в окно. Я невольно проследила за ее взглядом. В окне была чернота мира, который по неизвестным причинам отнесся к этим девочкам с необъяснимой

враждебностью.

– Да брось, он нас не видел, – Маринка затушила сигарету, доставая новую.

– Да уж, как же... Дашка так заорала, что он глазами так и ширкнул в нашу сторону!

– Вы о ком это? – заинтересовалась я.

– Об этом... призраке, – сказали девчонки, а Даша сразу ойкнула.

Честно говоря, мне тоже передался их страх – как будто по подвалу пробежал холодок.

Точно призрак из квартиры Сони вдруг перебазировался в наш уютный подвал.

– Стойте-ка, – призвала я мистически настроенных девиц к порядку, да заодно и саму себя. – Давайте внесем ясность. Кого вы боитесь? Что еще за призраки взялись везде, где ни попадя, разгуливать?

– Да не был он призраком, – поморщилась Маринка. – Так себе, козел какой-то!

Кажется, я влипла в историю, как тот солдатик, который шел куда-то по одному делу, а нашел другое!

– Собственно, призраки меня интересуют, только не сейчас. Я вообще-то хотела узнать, не видели ли вы сегодня вот из этого окна, что тут стряслось с седовласым джентльменом в коричневом пальто, – заявила я.

– А мы тебе про что рассказываем? – праведно возмутилась Маринка. – Про это самое.

– Так этот призрак-козел тогда при чем?

– При том, – выпустила слова, смешанные с дымом, Маринка. – При том самом. Не я же этого старикана шарахнула. И не Дашка с Юлькой!

* * *

– Он стоял вон там, – показала рукой Маринка. Выходило, что пресловутый «козел» даже и не прятался. Просто тусовался около мусорной кучи, поджидая Гордона.

Из этого прямо вытекали следующие два факта. Первый – что он за Гордоном не шел. Второй, что самое интересное, судя по всему, этот человек был знаком с Гордоном, и настолько близко, что знал: в надлежащее время Гордон пройдет по Чистому переулку.

Если только...

– Послушай, Маринка, а он там долго стоял?

– Не знаю, – передернула она плечиком. – Сдается мне, долго. Как будто ждал кого-то, понимаешь?

Все совпадало пока со второй версией. Он ждал кого-то. То есть, если я права, он ждал не просто случайную жертву, а ту личность, которую в эти самые жертвы наметил.

– И всю дорогу всматривался в конец Чистого, как грифон, выслеживающий добычу, – подтвердила мои догадки Юлька. – А когда этот старик показался, сразу юркнул во-он за ту кучу.

– А призраком мы его назвали потому, что он был какой-то странный! Весь забинтованный, как Человек-невидимка, и одет так же... Длинное пальто черное, которое болталось на нем, как на макаронине, и шляпа, нахлобученная по самый нос, – встряла снова Маринка. – Ни дать ни взять призрак! Ой, да, я забыла! Погода пасмурная, а он в темных очках! Представляешь?

– Да уж, – согласилась я с тем, что манера одеваться у убийцы весьма странная. Впрочем, может быть, он не хотел быть узнанным?

– Ну вот! Старик торопился, но почему-то, увидев этого козла, приостановился и прищурился. Стал к нему приглядываться, будто никак не может его вспомнить. Потом словно вспомнил и нахмурился. Тогда он как заорет: «Что ты тут делаешь?» А этот козел ничего не ответил, только достал пистолет и выстрелил.

– Нет, ответил, – возразила Юлька. – Ты просто не слышала. Он сказал: «Извини, пожалуйста».

– Что? – не поняла я.

– «Извини, пожалуйста», – повторила Юлька. – Я стояла рядом с окном и все слышала. А тут старик начал валиться на мусор, с таким удивленным лицом, и по пальту у него...

– По пальто, – поправила Маринка.

– Какая разница! – отмахнулась Юлька. – Главное, что у него по пальту расползлась кровь... Вот! И тут Дашка завизжала, и я оттащила ее от окна.

– А он устался на окно. Потом подошел и присел на корточки. Начал всматриваться, но мы притаились и боялись вздохнуть. Он поприсматривался, потом понял, что ему пора смываться, и поднялся. Я только видела, что он отряхнул колени. Страшно было, я чуть не описалась!

– От этих подробностей ты всех нас могла бы избавить, – немного высокомерно заявила Юлька.

– Слушай, а эту свою извинительную фразу он произнес до или после выстрела?

– До, – авторитетно сказала Юлька.

– То есть как бы попросил прощения за то, что сейчас делает. Ничего себе, убийца! Сама изысканность и вежливость получается!

Я задумалась.

Почему-то вспомнился распахнутый том Шекспира.

Неужто не придет?

Нет, помер он и погребен.

И за тобой черед, —

тихонько напела я песенку безумной Офелии, смотря в окно.

– Что это за песня? – спросила Маринка.

– Шекспир, – вздохнула я. – Каким-то непонятным образом он пытается все связать в одну цепочку, но я совершенно не могу понять, какого черта в мою голову приходят эти мысли!

Еще меньше моего могла понять Маринка. Тем не менее она понимающе кивнула и попросила:

– А дальше в этой «романсе» как?

– Понравилось? – спросила я.

– Да, – кивнула она. – Лучше, чем у Земфиры.

– Да уж куда как лучше, – усмехнулась я. – Слушай!

И я продолжила, легко вспоминая текст – поскольку в юности мечтала сыграть эту сцену. Только вот режиссер в нашей драмстудии попался неотзывчивый – почему-то видел Офелию нежной блондинкой, похожей на эдельвейс, а не такой рыжей «шотландкой», как я.

А были снежной белизны
Его седин волнистых льны.
Но помер он, и вот
За упокой его души
Молиться мы должны.

Девицы слушали меня, разинув рты. Романтические настроения, как я заметила, чаще встречаются у людей, вкусивших черного и черствого хлеба суровой действительности так много и так рано, что возникла уже тошнота.

– Как у того мужика, которого убили, – проговорила очень тихо Маринка. – «Седин волнистых льны».

Я уже хотела было обдумать этот постулат, но тут Юлька вдруг прижала палец к губам и резко потушила свечку.

Отчетливо донесся звук приближающихся шагов. Шаги

были тихие, словно крадущиеся.

– Закройте дверь, – прошептала я.

– Она не закрывается, – с ужасом в голосе ответила Маринка.

Шаги приближались.

По моей спине забегали мурашки. Я прижала к себе едва дышащих от ужаса девчонок. Дашка спрятала у меня в коленях лицо и, кажется, боялась дохнуть.

Я оттащила их в самую глубь подвала, туда, где можно было укрыться за старым, полуразвалившимся шкафом.

Шаги замерли у самой двери.

– Мамочки, – пробормотала Юлька. – Кажется, нам конец!

Дверь начала тихо открываться...

* * *

Я смотрела на образовавшуюся полоску света как зачарованная, боясь вздохнуть.

Кого мы увидим? Убийцу, который хочет извиниться за то, что собирается лишить нас жизни?

Призрак?

Да фигня это все с призраками!

Говорят, в минуту опасности наш рассудок вместе с адреналином начинает выбрасывать светлые идеи. Как-то это все взаимосвязано, но я не психолог. Только в тот момент,

когда чертова дверь приоткрылась и слабый луч фонарика заставил нашу славную компанию отодвинуться подальше в тень, меня осенила совершенно безумная мысль, что все это взаимосвязано!

Не знаю как, но вот связано, и все тут!

Жалко, конечно, что мне, увы, не придется нащупать эти связи.

– Есть тут кто? – спросил мужской голос.

Мы боялись дышать.

– Должны быть, – авторитетно заявил второй голос.

Я обреченно подумала, что если бы с одним убийцей у меня еще получилось бы справиться, то с двумя – навряд ли.

Фонарик блуждал по подвалу, все ближе и ближе подбираясь к нам.

– Да тут же есть свет, – раздался удовлетворенный возглас.

Щелкнул выключатель. Я невольно зажмурилась и заслонилась рукой от ярко вспыхнувшего света.

– Ну вон же они, – удовлетворенно сказал первый голос.

Я открыла глаза.

Прямо передо мной стоял долговязый парень, отдаленно смахивающий на Ларчика.

Он рассматривал нас с огромным интересом, засунув руки в карманы длинного пальто.

Я в свою очередь уставилась на него.

Дело не в том, что его уши торчали, как у слоненка, а глаза были безупречно изумрудного цвета. Это еще можно пе-

ренести!

Но вот волосы у него...

Я вздохнула. Парень этот был моим товарищем по несчастью. Поскольку волосы у него были точно такими же спело-морковными, как и мои!

Глава 5

Я сидела и наблюдала, как Лариков злится. Увесистый том Шекспира, пристроившийся на моих коленях, так и норовил сам шлепнуть моего босса по голове.

Босс пыхтел так, словно это он провел ночь в ментуре, терпеливо отвечая, как партизан, что в подвал мы с девочками забежали случайно, потому как репетировали сцену для драматического спектакля. «Дети подземелья» называется. Конечно, рыжий, как солнце, Ванцов нашим рассказам не очень-то поверил, и вызволять нас пришлось Ларикову.

Лариков после этого не желал разговаривать со мной, а только разгуливал по комнате с видом оскорбленной нравственности и, как статуя Свободы, иногда застывал в отдалении, с укоризненно поднятым вверх указательным пальцем.

Я так и не смогла понять смысл этого жеста, как ни силилась – то ли Лариков Небеса призывал в немые свидетели моего безобразного поведения, то ли намекал на расплату, грядущую оттуда, за то, что лезу не в свои дела.

Девиц я оставила на мамашино попечение – она даже ухитрилась запустить их в ванную, а на мой суровый намек, что это – важные свидетели преступления и я должна беречь их как зеницу ока, мама моя недоверчиво хмыкнула и сообщила, что я сама бессовестная девица, болтающаяся ночами по злачным местам, и она не позволит мне дурно воздей-

ствовать на податливые детские души.

Надо отдать должное девицам, они старались изо всех сил. Лишь бы не попасть в руки детдомовских теток!

Маринка, отчаянно гнусявя, даже попыталась воспроизвести «романсу» Офелии. Вышло у нее трогательно, почти слеза прошибла.

Конечно, Ванцов-то догадался, что девчушки мои – беглянки, и пытался воздействовать на них, но я вступилась. Ванцов попытался воздействовать и на меня.

– Вы понимаете, милая девушка, чем кончат эти создания, оставшись на улице?

Он смотрел на меня своими зелеными глазами и хлопал светлыми ресницами. Как у всех нас, рыжих бедолаг, ресницы у него были очень длинные и очень пушистые, но абсолютно незаметные из-за своего светло-каштанового цвета.

– А вы понимаете, что, если сейчас вы отправите их назад, они снова убегут и окажутся в месте, куда более отдаленном от нас? – так же сухо вопросом на вопрос ответила я.

Он вздохнул.

– И что прикажете делать?

– Найти нормальный детский дом, – сказала я. – Где детей не лупят за то, что они стащили кусок хлеба. Не унижают, если они не подчиняются... Дом, где можно просто жить. А пока пусть живут у меня. Это все-таки лучше, чем в подвале.

– Вы сумасшедшая? – с интересом спросил он.

– Может быть, – кивнула я.

– Найдите мне убедительный довод, почему их нельзя отправить в детский дом, и я пойду навстречу вашему безумию, – подумав, обрадовался он.

– Они, между прочим, были свидетелями преступления, – заметила я. – В Штатах, например, вообще существует программа охраны свидетелей. От меня они не сбегут. И пока они у меня, они под надежной охраной...

– Вашей? – он откинулся на спинку стула и постукивал карандашом по краю стола, насмешливо рассматривая меня сквозь частокол полуопущенных ресниц.

– Не только моей, но и вашей, – спокойно ответила я.

Если бы он не был таким же рыжим, как я, вlepила бы ему по первое число.

Но солидарность рыжих не давала мне права это сделать. Я относилась к нему, как к брату. Вредному, занудному, и все-таки – такому же отмеченному солнцем и осмеянному окружающими.

Вам этого не понять. Вам же никогда не орали в детстве «рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой!».

Вас никто не называл «Морковкой».

Видимо, Ванцов тоже воспылал ко мне такими же чувствами «родственника» по несчастью. Потому что, подумав, вздохнул тяжело, как палач, все-таки решивший на собственную беду не отрубать голову Марии-Антуанетте.

– Ладно, – сказал он. – Сделаем так. Я выясню, что там за ферня с этими воспитателями. Если все, рассказанное ва-

шими девицами, правда, поищу им другое пристанище. Пока пусть живут у вас. Только одно условие!

– Какое? – спросила я, поднимаясь.

– Не лезьте с Лариковым в дело Гордона, – попросил он.

Я вздохнула. Мне очень хотелось влезть в это дело, но свобода девчонок была дороже.

– Хорошо, – согласилась я.

Он взглянул на меня с сомнением. Будучи сам рыжим, он не мог не знать, что рыжие – чрезвычайно хитрые собаки!

* * *

Так что теперь я спокойненько торчала в собственном офисе, а Лариков делал вид, будто решает мою дальнейшую судьбу.

Я, в свою очередь, тоже делала вид, что очень сожалею о дурном своем поведении, а сама в то же время упорно притягивала за уши к двум странным происшествиям несчастного датского принца, историю которого Шекспир раздул до масштабов вселенской трагедии.

То есть сначала-то я честно пыталась поместить «человека-невидимку» в Сонину квартиру. Причем, черт знает почему, мне в голову пришла некая мысль.

Я даже сама посчитала ее безумной.

В конце концов поклонник Шекспира заявился бы в Чистый переулок в роли Тени отца Гамлета. Произнес бы гроз-

но и загадочно, что дико извиняется, но кинжал уж занесен и лезвие в лунном свете уж сверкнуло.

То есть не в лунном свете, а в свете утренней зари!

Я окончательно запуталась и потеряла нить рассуждений, так чудесно скользющую в моем сознании.

Мой взгляд, доселе рассеянно блуждающий по страницам бессмертной трагедии, вдруг остановился на следующих строчках:

Отцом все время бредит, обвиняет
Весь свет во лжи, себя колотит в грудь,
Без основанья злится и лепечет
Бессмыслицу. В его речах сумбур,
Но кто услышит, для того находка,
Из этих фраз, ужимок и кивков
Выуживает каждый по желанью,
Что дело дрянь, нет дыма без огня,
И здесь следы какой-то страшной тайны.

Сердце в моей груди затрепетало, как птица, запертая в клетку.

Ответ Гертруды я прочесть не успела. Только первую строчку: «Я лучше свижусь с ней».

Потому что надо мной навис Лариков и, угрюмо посмотрев сначала на книгу, потом мне в глаза, спросил зловещим тоном:

– Александра, свет очей моих! Я просил тебя не ввязывайся

ваться в это дело?

Я кивнула, пытаясь вернуться к книге, которая сейчас волновала меня куда больше нотаций моего бесценного начальника.

– Тогда какого черта?

О боже! Я и не знала, что Лариков умеет реветь, как подстреленный вепрь!

Удивленно вскинув глаза, я увидела, что он и сам испугался собственного вопля. Во всяком случае, отпрыгнул от меня с таким выражением, будто это я, а не он, орала тут всю мочь своих легких!

– Андрей Петрович, – тихо сказала я. – Всю глубину вашего гнева я уразумела. Свою позицию поясню, если вы, конечно, выслушаете меня без ваших комментариев.

Он хотел возразить, причем, думаю, с обильным использованием ненормативной лексики, но пробурчал:

– Во-первых, ты идиотка, которая лезет в темный подвал, рискуя жизнью.

– Там были дети, – напомнила я.

– Дети могли оказаться бандитами. Это во-первых. А во-вторых, этот Ванцов не любит, когда кто-то влезает в его дела, а ты еще не знаешь, кто это такой!

– Знаю, – сказала я. – Очень милый молодой человек. И мы с ним обо всем договорились. А теперь, если вы пришли в себя и соблаговолите выслушать меня, попытаюсь объяснить.

Он скрестил руки на груди и слегка наклонил голову, насмешливо давая понять, что он весь внимание.

– Ну так вот, Андрей Петрович... Мне кажется немного странным, что в этой истории с Сониной квартирой есть нечто общее с убийством Гордона. Не спорю, сначала я действительно просто сунула нос не в свое дело. Чувствовала ведь личную ответственность за человека, который намеревался стать моим клиентом. Но теперь к этому прибавилось еще кое-что. Из рассказа девочек я вынесла, что убийца Гордона начитан и артистичен. Не всякому придет в голову загримировать себя бинтами. Второе – этот человек считает себя известным или является таковым. То есть, по моему скромному убеждению, он или артист, или телекомментатор. То есть человек, у которого есть основания опасаться быть узнанным. А теперь перейдем к посетителю Сониной квартиры...

Я помолчала, закуривая. Лариков смотрел на меня во все глаза. Кажется, гнев уступил место любопытству.

Мне удалось его заинтересовать. Впрочем, я и сама была удивлена тому, как плавно получается у меня изложение моих безумных идей.

– Так вот, в этом посетителе наличествует эстетизм. Правда, немного своеобразный – я бы назвала это эстетизмом человека, очень долго обитающего на «дне» жизни, то есть в полной нищете, и мечтающего о красивой «рекламной» жизни. Отсюда страсть к дорогим вещам и запахам. Более того,

он как бы бравирует этим. Второе – он знает Шекспира. Это склоняет меня к тому, что он актер. Гамлет – болезнь всех актеров. Если тут нет какой-то другой, более глубоко эшелонированной подоплеки, конечно. И вот тут у нас возникает точка соприкосновения... Два случая сливаются воедино. Понимаешь, Ларчик, может, я и ошибаюсь. Может случиться так, что все мои рассуждения гроша ломаного не стоят, но... Чтобы убедиться хоть в чем-то, мне...

Я вздохнула и закончила свою «объяснительную записку» словами Гертруды:

– «Я лучше свижусь с ней. В умах врагов не трудно ей посеять подозренья».

Он смотрел на меня с таким выражением, которое можно было принять за восхищение, но я вовсе не отличалась такой идиотской самоуверенностью.

Поскольку точно так же смотрят на людей, внезапно на глазах утративших рассудок, я скорее склонна была заподозрить своего шефа именно в таком отношении к моим «откровениям».

– Так, – наконец решил он прервать молчание. – Позволь тебе задать один вопрос. Это все твои личные достижения или результаты спиритуальных влияний поэта-висельника?

– Шекспир, ма шер, не был висельником. Правда, сейчас всю муссируются рассуждения о том, был ли он вообще, или наш гений – плод коллективного разума. Хотя лично

я склоняюсь к тому, что человечество просто не согласно видеть своих отдельных представителей выше самих себя. Последняя версия относительно бедолаги Вильяма особенно шикарна – будто его создали два голубых «вольных каменщика»...

– Сашенька, – простонал мой босс. – Мне кажется, мы сейчас заняты совсем не Шекспиром!

– Да? – искренне удивилась я. – А чем мы тогда занимаемся?

– Квартирой. Мадам Сони.

– Вспомнила, – хлопнула я себя по лбу. – Если принять во внимание, что рассказать нечто о тайне должна мне «она»...

– Кто? О какой тайне?

– О господи! Соня скрывает страшную тайну! То есть я так думаю, что скрывает ее именно Соня, но может скрывать и Маша, только это вряд ли. Маша не создана для сокрытия страшных тайн...

– Сашка! Я ничего не могу понять! Какая тайна? Что за тайна?

– «Что дело дрянь, нет дыма без огня и здесь следы какой-то страшной тайны», – объяснила я ему со всей возможной доступностью.

– Апсайдаун, – горько покачал он головой. – Если я тебя понимаю, можешь треснуть меня по уху. Откуда этот бред?

– Фи, – сморщила я нос, хватая трубку и набирая номер Сони. – Нельзя же так вот называть шедевр драматургии!

«Бред»! Это надо же так сказать! И про что? Про «Гамлета»! Нет, Лариков, тебе все-таки надо хоть немного заняться самообразованием! Нельзя же читать только Роджера Желязны и думать, что единственный принц, когда-либо посещавший нашу грешную Землю, назывался Корвином!

Он засмутился, мой бедный шеф. Трудно ему со мной, сочувственно вздохнула я, слушая длинные гудки. Не каждый выдержит такую интеллектуальную личность рядом!

Можно и закомплексовать...

Гудки. Гудки. Гудки.

Мне стало немного не по себе.

– Похоже, ее нет, – пробормотала я, вешая трубку.

– Позвони попозже, – пожал плечами Лариков.

– А если с ней что-то случилось?

– Тогда съезди, – присоветовал босс.

Но я набрала номер снова. На этот раз трубку взяли. Голос Маши недовольно проговорил:

– Алле?

Господи, у нее даже голос замороженный!

– Добрый день, Маша. Можно попросить к телефону Со-ню?

– А ее нет. Она пошла попрощаться с Андреем Вениаминовичем.

– С кем? – переспросила я, не веря своим ушам.

– С Андреем Вениаминовичем. Гордоном. Разве вы не знаете, что вчера убили ее друга?

О-о! Вот это тебе выдали фишку, говоря по-лариковски, милая Александрина!

В принципе, я и раньше подозревала Судьбу в умении плести странные, зачастую связанные в один узелок нити. Но уж настолько!

– Что? – встрепенулся Ларчик, мгновенно заинтересовавшись моим целенаправленным – в одну невидимую точку на стене – взором.

– Ну как тебе сказать, – задумчиво сказала я. – Вчера Соня была очень даже не в себе, сказала, что умер ее друг. Как я поняла, с этим другом они были близки. Более чем. А сейчас узнаю имя этого самого друга, и как-то так получается, что я не в силах пойти вам с Ванцовым навстречу.

– Сашка! Ты научишься говорить понятно? Не все же, черт тебя побери, занимались старофранцузской словесностью?

– Все время забываю, прости... Мне все кажется, что уровень интеллекта окружающих соответствует моему, – съязвила я.

Он был слишком заинтригован, чтобы воздать по заслугам за мое хамство.

– Так что там?

– Ничего. Просто сейчас я узнала имя ее друга. Андрей

Вениаминович Гордон. И как тебе поворот судьбы, мой милый?

* * *

Передо мной встала практически неразрешимая дилемма.

Больше всего на свете мне хотелось отправиться прямо на сеанс прощания с Гордоном и понаблюдать за собравшимися. Теперь я уже на девяносто процентов уверена, что таинственные посещения Сониной квартиры и убийство Гордона связаны между собой. Но точно так же я была убеждена и в том, что на прощании присутствует Ванцов. У него в этом деле кровный интерес, никуда не денешься. Соответственно, я подставляю моих девчонок. Он сразу решит, что я продолжаю совать свой нос в его дела, озвереет, естественно, и пострадают невинные.

Сидеть и думать просто так мне не очень-то хотелось, поскольку, когда появляются практические занятия, умственные перестают меня интересовать.

Остается свободная Маша, которая на первый взгляд с этой галиматьей не связана. Но ведь именно она и могла оказаться той самой «мисс икс» из Шекспира.

Хоть я и питала к Маше стойкую неприязнь, все-таки решила подвигнуть себя на подвиг во имя успешного следствия и умоляюще посмотрела на Ларикова.

Он обещал Ванцову, что, пока идет следствие, я не буду

отлучаться без его ведома из офиса.

Сначала Лариков делал вид, что моих взоров он не замечает в упор. Но я неотступно преследовала его, не отводя своих глаз от боссова лица.

– Та-ак... Что мы хотим-то? – наконец сдался он.

Не зря я убеждена, что женские слезы и умильные взгляды способны растопить даже черствое сердце каменного монстра!

– Мы хотим поехать к Маше Нестеровой, – невинно улыбнулась я.

– Только ли к Маше? – недоверчиво усмехнулся Лариков.

– Только к Маше, – подтвердила я.

Он задумался. Думал он, на мой взгляд, чересчур долго, как будто я собиралась устроить взрыв в многолюдном месте!

– Ладно, – наконец решился босс. – Поезжай. Если тебя не отпустить, ты начнешь ныть и будешь отравлять мне существование на протяжении целого дня!

Я пропустила последние слова мимо ушей – отомщу ему как-нибудь после. На досуге.

Чмокнув его в щеку, влезла в куртку и выбежала на улицу, временно прощаясь с моим «офисным» арестом. Воздух свободы пьянил и завораживал.

Я чувствовала себя щеглом, которого выпустили в весенний лес, но...

Одно-единственное «но» омрачало мое настроение. Если

все это взаимосвязано, в чем я лично уже почти не сомневалась, Ванцов может подумать, что я все-таки очень хитренько пробираюсь в его владения!

Глава 6

Мысли о Ванцове не отпускали меня все время, пока я бежала по проспекту.

Отчего-то он вызывал во мне странное чувство – раздражение, смешанное с искренним сочувствием. У каждого из нас был свой собственный «конек», но в то же время был и собственный недостаток.

Ванцов, например, прекрасно знал основы криминалистики и Уголовный кодекс. Я ни то, ни другое близко не разуме-ла, но особенно по этому поводу и не печалилась – рядом был Лариков, который обе эти «китайские грамоты» мог вполне доступно изложить мне в случае надобности.

Но при этом Ванцов не знал так хорошо Вильяма Шекс-пира. А вот меня-то рядом с ним не было! Соответственно, получалось, что мои шансы понять, что же за история при-ключилась в Чистом переулке, были несколько выше.

Вот такие мысли бежали по проспекту вместе со мной, направляясь к Маше Нестеровой.

Маша Нестерова в отношении меня испытывала такое же предубеждение, как и я к ней. Посему трудно было рассчиты-вать, что наша беседа принесет нам обоим моральное удо-влетворение.

– Красивая киска, – услышала я за своей спиной.

«Вот и верно – Маша и есть красивая киска», – согласи-

лась я и обернулась.

Старушка в черной шляпе и молодежного покроя пальто кормила кошку, а рядом с ней стоял мальчуган, такой же рыженький, как мы с Ванцовым.

Прямо не Ванцов, а тайный фантом!

Я вздохнула и продолжила свое стремительное течение вдоль людского потока к старинному зданию, где в бывшей коммуналке жила странная и несчастная Соня со своей «красивой киской» Машей.

Дом был уже совсем близко, я прибавила шагу, как охотник, увидевший впереди себя цель.

Вот и подъезд.

Дверь открылась быстро и резко. Я вовремя успела отпрыгнуть в тень деревьев, почти неслышно чертыхнувшись.

Этого типа я тут совсем уж не чаяла увидеть!

Накликала беду, вспоминая его постоянно!

Из подъезда вышел Ванцов, собственной персоной.

* * *

«Ну и откровение», – оторопело подумала я, провожая взглядом из своего укрытия долговязую и несуразную фигуру Ванцова.

Он шел, чем-то настолько озабоченный, что даже не соизволил обратить на меня внимания. Хотя продефилировал он просто перед моим носом. Я, как полная идиотка, выта-

рашила глаза так, что они явно засобирались выпасть прямо на ванцовскую куртку, и затаила дыхание от ужаса, а он даже не взглянул на меня.

Интересно, каким ветром его занесло сюда? Ведь эти-то владения, пардон, мои!

Значит, ему можно, а мне – нет?

От негодования теснило в груди. Я чувствовала себя несправедливо обиженной.

А главное, получалось, что гадкий рыжий Ванцов вовсе не такой уж и профан, раз взял именно этот след? Значит, у него все в порядке с интеллектуальным нюхом?

Не знаю, почему я расценила свидетельство ванцовского ума как личное оскорбление, но было мне горько и обидно.

Я, к сожалению, в этот самый момент должна была находиться «под домашним арестом», и посему нельзя мне было...

А впрочем, почему бы и нельзя? Может, я тут просто прогуляться вышла?

Я уже почти решилась на безумный поступок – сейчас вылезу из своего укрытия и окажусь прямо перед Ванцовым. Как бы случайно!

«Ах, какая приятная неожиданность, – удивлюсь я. – Что вы тут поделяваете?»

«А вы что?» – спросит он. И будет совершенно прав, подозревая, что я оказалась тут совсем не случайно!

Да ладно, отмахнулась от здравых рассуждений. Чего-ни-

будь придумаю по ходу действия! И уже собралась выйти.

Но господь уберег меня от такой невероятной глупости. Ванцов сел в машину и спокойно отъехал, оставляя меня одну разбираться с загадкой его появления здесь.

И слава богу!

Уже немного подумав, поняла: ничего бы он мне не рассказал, а вот потом меня ожидала бы целая толпа неприятностей!

Поэтому, успокоившись, я поднялась на третий этаж и нажала на кнопку звонка.

В конце концов тайну ванцовского посещения могла раскрыть и Маша!

* * *

Маша меня явно не ждала. Скорее всего она рассчитывала увидеть кого-то более приятного, поскольку, открыв дверь, сначала одарила меня сияющей улыбкой, сообщающей ее кукольному личику нечто симпатичное. Потом эта улыбка, так оживляющая ее, медленно сползла с лица.

– Здравствуйте, Маша, – как ни в чем не бывало широко улыбнулась я ей. – А Сони еще нет?

– Нет, – облегченно выдохнула Маша, явно обрадованная, что мне понадобилась все-таки не она.

– А можно подождать ее? – продолжала я нахальничать.

Вежливой Маше под моим напором было не устоять, и она

смирилась.

– Конечно. Правда, не думаю, что ваше ожидание не затянется, но раз уж вам так нужна сегодня Соня...

– О, еще как, – подтвердила я худшие ее опасения. – Еще как нужна. И именно сегодня.

С этими словами преспокойненько направилась в Сонину комнату, так что бедной Маше ничего не оставалось, как следовать за мной, пусть даже и с недовольным видом – в конце концов это все, что ей оставалось.

В Сониной комнате царили покой и безмятежность. Я уселась в кресло и стала рассматривать лежащий на столике альбом с фотографиями. Маша, смирившись с моей бестактностью, присела напротив, молчаливая и красноречивая одновременно. Она умудрялась показывать все свое неодобрение одним лишь видом.

Фотографии были обычные – как и во всех альбомах. Но вот интересно – вчера этого альбома тут не было! Значит, Соне захотелось пересмотреть их еще раз?

Впрочем, ничего удивительного в том, что человек, потерявший близкого друга, пытается оживить прошлое в тщетной попытке оживить вместе с прошлым и его.

Я вздохнула. От этого альбома, такого же величественно-напыщенного, как и Маша, веяло холодом. Может быть, потому, что большинство фотографий были посвящены именно ей? Маше? Надменной и красивой девочке-девушке, и так далее? Сониных фотографий было совсем мало. Да и

получалась она на них какой-то трогательной, будто просила извинения за то, что появилась на чужом празднике жизни!

Мне стало грустно, и я отложила альбом, не досмотрев его. Не могла отделаться от ощущения, что не имею на это права... Посмотрю его лучше с хозяйкой. Когда она вернется!

Однако в тот момент, когда я убирала его, на стол выпала фотография.

– Какая же ты неловкая, Александра, – проворчала я, нагибаясь, чтобы поднять и засунуть ее назад.

Это был обычный снимок. Несколько человек, стоящих в кружке. Плохо различимые лица.

Только почему-то был отрезан уголок. Я повертела фотографию, пытаюсь понять, что же там было. Чье-то лицо? Фигуры на снимке выглядели довольно размыто. Определить «кто есть кто» было практически невозможно.

Вздыхнув, положила снимок перед собой. В конце концов я и сама неоднократно уничтожала следы собственного присутствия на снимках, если моя физиономия начинала портить мне настроение! Ничего удивительного в этом нет!

– Кто это? – спросила я.

Маша вопросительно посмотрела на меня.

Я протянула ей снимок.

– Не знаю, – пожала она плечами, – совершенно невозможно разобрать... Спросите у Сони.

Она очень быстро сунула снимок в общую стопку и тут же

посмотрела на меня безмятежным взглядом, в котором мне померещилась на мгновение некоторая нарочитость.

Но, в конце концов, может быть, я становлюсь излишне подозрительной?..

* * *

Можно сидеть с каким-то человеком и молчать, несколько этим молчанием не тяготясь. Вроде бы это тоже нормально – мы вот с Пенсом иногда молчим целыми днями, потому как и без слов прекрасно понимаем друг друга. Причем молчание получается уютным и приятным.

С Машей все выглядит иначе. Ее молчание было тяжелым, как воздух, насыщенный ртутными парами. Она как бы давала мне понять, что не о чем говорить красавице с тонкими чертами лица и гладко-змеиной головой и девице с внешностью пухлого мальчугана с рекламы. Проводила безжалостную грань, отделяющую меня от нее.

Не то чтобы это меня обижало, но в целом я почитала такое положение несправедливым.

В конце концов, красота тела – явление мимолетное.

Qu'est-ce refrain ne vous remaine:

Mais ou les neiges d'antan? —

пробормотала я едва слышно, рассматривая Само Совер-

шенство.

Она меня услышала. Подняв глаза с очаровательным прищуром и недоумением, уставилась на меня и переспросила:

– Что?

– Так, это я про себя, – смешалась я, нахально отведя себе роль «красавиц былого», воспетых Вийоном. Не стану же я цитировать ей все! Поймет ли?

Впрочем, мои познания, кажется, пробудили в ней толику уважения. Она заинтересованно посмотрела на меня совсем не так, как раньше:

– Французский?

– Да, – кивнула я.

– А в вас и правда есть что-то от француженки, – рассмеялась она. – Вы чем-то похожи на Милен Фармер. Если, конечно, заставить вас качаться и не есть неделю.

Надо же! Я начала таять, как воск. После сравнения с мальчишкой теперь меня сравнили с изящной французской певицей! Интересно, кому верить?

Святое убеждение Пенса, что верить следует тому, кто говорит тебе приятные вещи, победило на этот раз мое скромное разумение того, что лучше мне самой над собой посмеяться, чем это сделают другие.

– А можно вас спросить об одной вещи? – снова подала голос Маша, явно сдаваясь любопытству.

– Конечно, – кивнула я, радуясь тому, что Франсуа в очередной раз помог мне растопить лед.

– Как вы познакомились с Соней?

Оп, Сашенька! А придумать-то мы ничего и не успели!

– Вам честно или наврать? – спросила я, откровенно и простодушно взирая на мою визави.

– Честно, если сможете, – рассмеялась она.

– Я детектив.

Она помрачнела.

– Та-ак. Значит, Соня все-таки обратилась к вам. Неужели она не понимает, как это глупо?!

– Маша, почему? Почему это глупо?

Я не могла понять причин ее взволнованности.

– Потому что, черт побери, все это – только плоды ее фантазий, как вы не понимаете? Стареющая женщина, одинокая, с несложившейся личной жизнью! Выкинутая за борт, как все балерины, раньше, чем успела сообразить, что она, увы, вышла в тираж! Трудно смириться с этим, вот мы и придумываем всякие истории!

– Маша, вы психоаналитик?

– Да не надо быть психоаналитиком, чтобы все это понять! Мне самой очень жаль Соню, поверьте, но в этот идиотский бред, что кто-то разгуливает по ее квартире, я никогда не поверю! Какие-то кретинские музыкально-спиритуальные утренники с голосом из туалета!

– А если все не так? Если некто действительно тут бывает? Ведет непонятную игру, с только ему одному известным финалом?

– Да бросьте! Кому нужна моя когда-то хорошенькая тет-ка? Или этот человек такой же идиот, как и она! Я не верю в подобный бред!

– Однако Гордон был убит, – напомнила я.

– При чем тут Гордон? – вытаращилась она на меня. – Ну, был у них роман. Это же не причина для убийства, вы не находите?

– Отчего же, нахожу. Вполне приличная причина, что-бы произошло убийство. «Ее любовник Кассио. Ты можешь спросить у мужа. Разве б я посмел расправиться без важных оснований?» – процитировала я «Отелло». – Как видите, любовь и измена считается вполне достойным поводом для расправы.

– Саша, это Шекспир! Это страсти, современному человеку недоступные! Сейчас нами владеет одна страсть – выжить. Заработать. Опять выжить. У Гордона доставало проблем – выше головы. Соня не была его страстью. Только интрижкой.

– А если – нет? Если была страстью?

– Соня? – она запрокинула голову и рассмеялась. – Саша, вы еще в плену романтических иллюзий! Ну ладно, предположим, что так. Была страсть. Дикая, необузданная, хотя...

Она хихикнула.

– Я свою тетку в роли страстной женщины не представляю. Но при чем тут ночные посещения? Что, моя бедная Сонечка предмет еще одной страсти? Кто тогда разгуливает

по нашей квартире?

– Вот это и интересно, – вздохнула я. – Поэтому я здесь и надеюсь на вашу помощь.

– Простите? – не поняла она. – Но я-то тут при чем? Если только мне пришла в голову безумная идея свести тетку с ума, чтобы завладеть квартирой, и я прикидываюсь мужчиной? Что там он у нас ей оставляет?

– Книги Шекспира. Ароматы «Кензо». Галстуки, – перечислила я.

– Так. Галстуки дорогие?

– Дорогие, – согласилась я.

– Тогда я отпадаю. Потому что из перечисленного могу оставить разве только Шекспира. На остальное у меня нет средств.

– В принципе, я тоже думаю, что это не вы. Но ведь пролить свет на те же таинственные взаимоотношения Гордона и вашей тетки вы можете?

– Нет, – честно призналась она. – Могу только рассказать вам, как они познакомились. Это было при мне. И, кстати, я опять рискую оказаться под вашим подозрением. Слушайте, да я просто «пост номер один»! Во-первых, квартира, а во-вторых, та самая нечеловеческая страсть!

Она закурила. Курила Маша, в отличие от меня, весьма аристократично. Задумчиво и нежно, как будто это была не сигарета, а благовония.

На ее шее висел медальон – так, безделушка. Но она по-

стоянно притрагивалась к нему узким изящным пальчиком, как будто старалась показать мне любимую игрушку, которой не устает гордиться.

– Значит, так, я была его любовницей. Страсти у нас как-то не получилось. Правда, мы и не старались. Просто мне нравилось быть с ним рядом. Он был такой представитель-но-галантный и спокойный. То, что нужно взбалмошной де-вице, по мере сил старающейся казаться послушным чадом истеблишмента.

Она хмыкнула. Кажется, я была не права по отношению к ней. Сейчас вдруг стало понятно, что Маша Нестерова не так уж и проста в этой своей красоте. Там, глубоко внут-ри, находилась другая Маша. Самоироничная, насмешливая, пытающаяся выиграть долгие раунды с Машей-конформист-кой. Постоянно проигрывающая и становящаяся от этого на-смешливо-злой. Так сказать, покусывающей Машу-конфор-мистку изнутри. Человек, живущий в таких сложных усло-виях, и сам становится сложным.

– Так что Гордон мне подходил. Хотя я не обольщалась – мне казалось, что он искренне привязан к своей жене, а дочурка его была моей подругой.

– Как? – удивилась я. – Оля?

– А, вы нашу Оленьку знаете, – усмехнулась она немного зло. – Ну так не надо вам о ней рассказывать?

– Олю я знаю понаслышке. Гордон хотел нанять меня для... В общем, там какие-то были сложности. С Олей.

– Оля – ходячая сложность, – фыркнула Маша. – Сплошное «несостояние». Натура, переполненная отрицательной частицей «не» настолько, что сама превратилась в ходячий «анод». А эта жуткая история с Риммой и вовсе заставила нашу бедняжку возненавидеть весь мир и растеряться. То есть, проще говоря, Оля его возненавидела, а что делать дальше, не знала. Выразить-то как? Она начала читать всякие идиотские книжонки. Сначала был Генри Миллер. Потом мы опустились до его жалкого подражателя, Лимонова. Какой-то пошел сплошной секс. Будто самоунижение для нее – смысл бытия. Последнее время общаться с ней стало занятием совершенно бессмысленным. Вы пытаетесь ей улыбнуться, но встречаете мрачный взор, исполненный решимости уничтожить весь мир, а если с миром выйдет незадача, то хотя бы испепелить одну себя. Но мы отвлеклись. Мы же хотели вспомнить, как глупая Маша привела в свой дом Гордона и сдуру представила его своей тетке, которая Маше казалась старенькой и немощной?

– Только Олю не будем снимать с повестки дня, – попросила я. – Понимаете, ведь причина может оказаться в ней. Например, те сложности, которые не нравились Гордону... Вы не знаете ничего об этом?

– Нет, – замахала она рукой. – Я не общалась с этой Моррой уже давно. Есть, знаете, такой тип людей, без которых намного легче, чем с ними. В отличие от нее, я не смогла осилить ее любимого Генри Миллера. Он мне не понравился.

Эти постоянные сексуальные изыски не в моем вкусе. Мне вообще как-то показалось, что Миллер был просто неполноценным в сексуальном отношении, вот и выбрасывал в мир грязные фантазии, которые не имел возможности воплотить в жизни. Книжки для сексуально извращенных интеллектуалов или для размазанных девиц, вроде нашей Оли. Но если вы настаиваете, поговорим. Только давайте по порядку, чтобы я не путалась!

– Ладно.

– Значит, я привела его в наш дом. В то время я им гордилась. Тогда Соня руководила этим театриком... Станный такой театр получался – синтез пантомимы и разговора. Иногда у них выходило вполне интересно. Как у этого московского театрика пластики... Соня тогда была сияющей, потому что первый раз в жизни ее отдача получала ответный результат. С красивыми спектаклями. В основном они работали, к слову сказать, с Шекспиром. Поэтому я вела своего возлюбленного с чувством тайной гордости ребенка. Мне вся Сониная компания казалась изысканной и прекрасной.

Маша закусила губку, ее чистый лоб прорезала морщинка. Кажется, воспоминание о том вечере принесло ей куда больше боли, чем она рассчитывала!

* * *

– Он действительно был очарован, – вспоминала Маша. –

Смотрел во все глаза на эту красивую компанию. Больше взглядов, правда, он дарил Соне. Немудрено – в то время она действительно была очаровательной! Переполненной радостью творчества, но об этом я уже говорила. Она оставалась равнодушна к его взглядам. Единственное, что ее интересовало – в каких мы взаимоотношениях. Моя мать, знаете ли, не хотела ничего знать, кроме своей музыки. Поэтому я как-то больше интересовала Соню. Скрипачки ведь не уходят на пенсию в возрасте тридцати пяти лет, так? Моя же маменька пользовалась успехом. Сейчас она вообще живет в Испании. Наверное, это несправедливо – почему скрипачкам можно рожать, а балеринам не рекомендуется?

Но я опять отвлекаюсь. Я была глупая и поняла, что теряю его, только в конце вечера. Не потому, что Соня что-то почувствовала – нет, моя тетья была очень честным человеком. Потому что сам Гордон влюбился в мою Соню по уши. И начал приходить уже без меня. Якобы для того, чтобы Соня взяла в театр его обожаемую Олю. По его мнению, спасение Оли зависело именно от Сони.

– То есть Олю уже тогда надо было спасти? – переспросила я.

– Олю надо было спасти всегда, – рассмеялась Маша немного зло. – Впрочем, тогда Оля была хорошенькой беленькой девочкой с задумчивым взглядом. Она еще только начала вбирать в свои ангельские черты того монстра, которым готовилась стать. А Сонечке очень хотелось поставить

«Гамлета». Увидев Олю, она всплеснула руками от счастья...

Я почти на сто процентов была уверена, на какую роль прочили Олю.

– «О боже, это Офелия!» – передразнила Соню Маша. – Она еще не знала, что наша «Офелия» – это маленькая ядерная бомба, разрушающая все, что встретит на пути. Впрочем, тогда я тоже этого не знала...

«Отцом все время бредит, обвиняет весь свет во лжи, себя колотит в грудь», – вспомнила я.

Кто знал следы страшной тайны? Неужели – «Офелия»? Или – говоря проще, Оля Гордон?

* * *

– Кстати, я тогда жутко обиделась, – Маша достала новую сигарету и скорчила недовольную рожицу. Сейчас, когда она разговорилась, она стала симпатичной. Вполне забавной и очень даже свойской в общении. – Представляете, Саша, я-то рассчитывала наконец ворваться на подмостки и засиять в образе Офелии! А тут появляется белокурая Олечка, хлопает своими голубыми глазками воплощенной невинности, и все грохаются оземь в подобострастии! И почему существует расхожее мнение, что Офелия была блондинкой?

– Сама не знаю, – горько вздохнула я. – Мне пришлось столкнуться с тем же парадоксом. Меня отодвинули из-за рыжих волос!

То, что мы обе явились жертвами общественного мнения, нас окончательно сблизило. Маша взглянула на меня и засмеялась.

– Тоже, да?

– Конечно, – пожала я плечами. – «Ненавижу волос шотландских эту желтизну!»

– О господи, – простонала Маша, с трудом сдерживая хохот. – А меня пытались успокоить Джульеттой! Ну на хрена мне эта самая Джульетта, если я мнила себя сумасшедшей Офелией? Правда, могу тебя заверить, что я все-таки не стала бы никого убивать, хотя во мне и гнездились такие желания! Разве что Олечку! Вот уж кто, на мой взгляд, заслуживает выстрела в упор!

– Понимаешь, ты не подходишь, – честно призналась я. – Там был мужчина. И, к слову сказать, когда я сюда подходила, из подъезда вышел некий Ванцов.

– Лешка? – переспросила Маша. – И что?

– Так ты его знаешь? – мы незаметно перешли на «ты». Нас сблизили общие детские несправедливые обиды.

– Конечно, – передернула плечиком Маша. – Он вообще-то приходил к Соне. Со мной он не распространяется.

– А Соню он откуда знает?

– Он? Так ведь он же играл Гамлета! В том идиотском спектакле.

О-о! Судьба решает закидать меня сюрпризами с ног до головы!

– Послушай, – я почувствовала, что «истина где-то там», в спектакле этого «самопального» театра. – Тогда, во время этого всего пиршества Мельпомены, ничего не произошло странного или неприятного?

– Ничего, – старательно пошевелила мозгами Маша. – Только история с Риммой. Но она к делу не относилась. Римма не была в театре. Просто приходила пару раз вместе с Ольгой на репетиции. Или я не могу вспомнить? Да нет, если бы произошло что-то, я бы вспомнила! Разве еще что театр развалился! Потому как в нашу Олю все повлюблялись, а сама Сонечка не на шутку увлеклась господином Гордоном. В общем, пошли сплошные свидания под луной, и некому было думать о сочетании пластической драмы с высокими текстами. Оле очень удавалась сцена безумия, так как в то время она подседала на иглу. Никого не убивали, и мстить-то было не за что. Не думаю, что это связано с сегодняшними мрачными событиями!..

Мне так не казалось. Я насчитала три по меньшей мере события очень негативных.

И все три могли быть взаимосвязаны.

То, что способно пройти мимо Маши незаметно, для кого-то могло оказаться настолько болезненным, что он в течение трех долгих лет вынашивал планы мести.

Наша задушевная беседа была прервана звуком повернувшегося в замочной скважине ключа.

Маша немедленно «закрылась» – как бутон под действием

наступающего вечера. Я с удивлением обнаружила, как преобразилось ее лицо – глаза, оживленные воспоминаниями, потускнели и приобрели холодный, почти стальной оттенок.

Маша как будто поменяла контактные линзы!

Обернувшись на звук открываемой двери, я увидела милое Сонино лицо, на одно мгновение осветившееся приветливой улыбкой.

– О, Сашенька, привет!

Минутная радость, проявившаяся на лице, не могла меня обмануть. Глаза Сони были наполнены печалью и тем вечным вопросом, который жестоко до невыносимости мучает нас в момент потери очень близкого человека – «как же мне жить дальше?».

Она устало опустилась на стул, провела рукой по лицу, пытаясь стереть следы горя, и вскинула на нас обеих свои удивительные глаза.

– Вы подружились? – спросила она с надеждой.

Машина реакция меня немного удивила. Она передернула плечом, показывая, что и сама не знает.

– Кажется, – пробормотала я, озадаченная этим жестом. По стальному блеску Машиных глаз я поняла, что снимать ее с подозрения, кажется, пока еще рано...

* * *

Соня все сидела, погружившись в себя, как в океан, и нам

с Машей там явно не было места. В этом океане все было занято ушедшим Гордоном.

Может, она и хотела бы обсудить это со мной, но только не при Маше!

Маша же, хотя и чувствовала, что выступает сейчас в роли непреодолимой преграды для потока Сониной откровенности, предпочитала делать вид, что на самом деле ничего не понимает, и мы просидели так довольно долго.

Начинало темнеть – с такой неумолимой быстротой, на которую способны лишь ноябрьские вечера. Не успеваешь оглянуться – как уже наступает вечер.

Поняв, что все мои надежды на Сонину откровенность тщетны, я поднялась.

– Наверное, сегодня разговора у нас не получится, – предположила я. – Вам не до меня...

Соня подняла на меня полные невысказанной мольбы глаза и проговорила:

– Да, пожалуй, сегодня я не готова. Но я провожу вас.

– Что вы, зачем? – перепугалась я.

– Нет, мне надо прогуляться.

Я поняла, что ей хочется со мной поговорить, так же, как и мне с ней. Но при Маше она на откровенность не решается.

Поэтому я пожала плечами и сказала:

– Что ж. Пошли прогуляемся по свежему воздуху.

На пороге я обернулась и бросила на Машу пристальный и быстрый взгляд.

Она сидела, смотря в сторону, и кусала губы. В ее глазах застыла обида и печаль.

«Странная она все-таки девочка, – подумала я. – Понять ее совершенно невозможно...»

Глава 7

На город опускался голубой вечер. Соня шла, как сомнамбула, немного замедленным шагом, глядя прямо перед собой и ничего не видя. Кроме Гордона. Я это знала. Она еще не осознала до конца, что колодец горя глубок, но уже проваливалась в него.

– За что его убили, Саша? – неожиданно произнесла она хриплым шепотом, чтобы не закричать. – За что?..

Она остановилась, не в состоянии больше двигаться, прислонилась к стене и прижала ладони к вискам.

– Осторожно, стена вас испачкает.

Она посмотрела на рукав, быстро вобравший в себя побелку, и выдавила улыбку:

– Какая разница?

В принципе, я понимала ее. Она отряхнула рукав – не до конца, потому что ей было наплевать, что он испачкан.

– Соня, что произошло тогда в театре?

Мой вопрос прозвучал слишком резко. Она дернулась как от удара и беспомощно подняла на меня глаза. Глубокая морщинка недоумения прорезала ее лоб, придав сходство с брошенным посереде улицы ребенком.

– В театре? – переспросила она. – Ах да... В театре. Маша вам рассказала про наш театр? Только там ничего не произошло. Просто все развалилось. Была весна, и в головах у всех

бродила любовь. У меня тоже. Театр погиб, только и всего. Но ведь он не живое существо, правда? Поэтому никто его не оплакивал... Впрочем, это не имело отношения к Андрею. Ах, Саша, как больно, что я его... О господи!

Она подняла глаза, полные слез, к небу, пытаясь скрыть их от меня.

– Я его больше никогда не увижу? – прошептала она, закусывая губы.

Что ей сказать? Ничего, да и к чему! Трагическая формула потери еще действовала на сознание, подчиняя себе всю ее волю к жизни.

– Это пройдет, – я взяла ее руку в свою. Рука была ватная и безвольная. – Вам надо только запретить себе произносить эту фразу. Понимаете?

Она кивнула, делая вид, что верит мне. На самом деле сейчас она находилась в глухом и неверном убеждении, что горе вечно, что жизнь кончилась и теперь ей остается лишь собирать осколки прежней своей разбитой жизни, пытаясь склеить воспоминания.

– Саша, вы найдете его убийцу? – спросила она. – Я смогу вам заплатить! Поверьте, я найду деньги!

Она стиснула на груди свои руки. Сейчас для нее всего важнее было найти того, кто превратил ее жизнь в воспоминания. Гораздо важнее, чем обнаружить того загадочного незнакомца, чьи визиты в неурочный час еще недавно беспокоили ее.

– Я постараюсь. Если вы мне поможете...

* * *

Оставшийся путь прошел в раздумьях. За один только день я выудила столько, что мне хватило бы на целый женский роман, переполненный страстями и любовями, равно как и загадками. Легче от этого не становилось. Мой мозг отказывался перерабатывать всю эту информацию, поскольку вполне справедливо был возмущен. «Вы путаете меня с мусорной кучей, любезнейшая! – заявлял он с обиженной миной. – Мало того, что напичкали этими вашими Шекспиро-Вийонами, так еще и пытаетесь понять, каким, собственно, образом все это увязано?!»

Слава богу, он был еще способен помнить имена людей, которые могли бы пролить на мою «темень» хоть немного света.

Я стояла прямо перед лариковским домом. Луна, конечно, щедро дарила мне свет, но совсем не озаряла мой мозг внезапными мыслями и видениями, как это бывает с нормальными сыщиками в нормальных детективах. Так как я сыщица глубоко ненормальная, я в восторге замерла, уставившись на великолепную в белом своем сиянии царицу ночи, и прошептала:

– О боже! «В туманном отблеске луны»!

Усевшись на лавочку, я достала сигарету, как если бы мне

не надо было спешить. Мечтательное настроение будто пришло на выручку усталому мозгу, давая ему передышку. Я не видела ничего, кроме луны. Словно отыгравшие первый акт актеры, отошли в тень, растворяясь в лунной дымке, герои трагедии Чистого переулка.

Вместо них, как Чеширский Кот, завис в моем воображении Франсуа с лукавой усмешкой, непонятным образом подаривший луне свои черты.

– Ну-с, – усмехнулась я. – Что вы мне поведаете, любезнейший? Сообщите, что такой дурехи, как я, даже вы не видывали?

Он растаял. Впрочем, что мог мне ответить Вийон?

Я различаю все, что здесь неразлично.

Я различаю все, но только не себя!

Что до меня, то я сейчас вообще ничего не различала. Только слабые очертания, отголоски чужих реплик, чужих судеб, связанных шекспировской трагедией и Чистым переулком. Луна, порадовав своим обществом, скрылась в темной завесе туч. Где-то прогрохотал трамвай, возвращая меня к реальности. Я вздохнула, поднялась с лавки и пошла в офис, где уже по меньшей мере сто лет дожидался меня мой несчастный босс.

Увы мне, грешной!

Я стояла на пороге, а Лариков смотрел на меня своим «принципиальным» взглядом.

– Привет, – выдавливая из себя улыбку, как зубную пасту из тюбика, сказала я.

– Здравствуйте, Александра Сергеевна! – процедил сквозь зубы Лариков. – Наконец-то вы соизволили явиться! Я уж, признаться, и не чаял увидеть вас нынче!

– А сколько времени? – спросила я.

– Вечность, – по-батюшковски ответил мой босс. – Или семь часов вечера. Вы, моя драгоценная, отсутствовали ровно семь часов. И чем это вы занимались?

Я опустила в кресло.

– Плодотворным общением, – ответила. – И, знаешь ли, устала. Очень устала. Оказывается, разговоры с людьми – самое утомительное занятие. Особенно откровенные. Такое ощущение, что меня целые сутки заставляли вручную класть асфальт. Я даже подумала, не податься ли мне в ночные бульдозеристы? Теперь же мне придется рассказать тебе все и что-то там придумать, а у меня нет сил ни рассказывать, ни придумывать... У тебя случайно нет кофе? Без кофе я вряд ли смогу шевелить моим распухшим мозгом.

– Ну-таки ты и монолог мне выдала! – развел руками Ла-

риков. – И без кофе, заметь! Может, еще что изобразишь?

– Не-а, – помотала я головой. – Без кофе ничего не получится. Поскольку вся эта история сейчас напоминает мне уравнение с кучей неизвестных, и эффект его влияния на мое расстроенное сознание примерно такой же. То бишь убей меня, если я хоть что-то там понимаю.

Лариков подумал и понял, что сопротивляться бесполезно. Я, наверное, и впрямь смотрелась, как хорошо отжатая половая тряпочка, поскольку он даже потрогал мой лоб на предмет определения температуры.

– Сашка, ты омерзительно выглядишь, – озабоченно посоветовал он.

– Спасибо на добром слове, – кивнула я. – Умеешь ты все-таки сказать приятное женщине, Лариков...

– Ладно. Пошел за порцией наркотика, – застеснялся босс.

– Быстрее, у меня уже начинается ломка, – поддержала я игру.

Он ушел, и из кухни донеслось несколько вульгарное исполнение очередного шедевра Скутера. Лариков явно повеселел, раз уж решился на подпевку радио.

Мое сознание приходило в норму, и ко мне понемногу возвращалась способность мыслить. Моя рука медленно вычерчивала на бумаге нехитрые кружочки. Нехитрые по виду, но каждый из этих кружочков бережно хранил тайну, как египетские пирамиды чей-то прах. «Вот и актеры», – сказал Гильденстерн.

– Вот и актеры, – задумчиво повторила я, заканчивая свой «примитивистский» шедевр несколькими черточками. – «Единственную дочь растил – и в ней души не чаял. А вышло так, как бог судил, и клад, как воск, растаял»...

Отвела листок на расстояние и, прищурившись, попыталась оживить свои кружочки и черточки, умозрительно приклеив им лица.

– Для того чтобы представить лица, моя милая, вы должны их увидеть. А так... Глупенькое занятие, – фыркнула я, откладывая листок в сторону.

Появился Лариков с кофе.

– Ну? – дождался он, когда я сделаю первый глоток.

– «Ей был нужен глоток «Нескафе», – сообщила я рекламным голосом. – Ладно, приступим. Кстати, ты-то сам ничего не нашёл?

– Потом, – отмахнулся он. – Сначала давай твои загадки.

– Не надо так шутить, а то самой себе кажусь уж Сфинксом, – сказала я. – Так вот, вся наша славная компания оказалась тесно связана между собой. Но как тебе – выдать сначала их характеристики, а после перейти к диалектической их взаимосвязанности, или наоборот?

– Логичнее начать с портретов.

– Что ж... Вполне согласна. Правда, мне не хватает трех портретов. Но их я надеюсь нарисовать завтра. И не хватает характеристики Главного Героя Чистого переулка... К сожалению, теперь могу составить лишь собирательный его об-

лик, по рассказам. Ну, про Соню я опущу. С ней все ясно. Маша... Маша человек очень загадочный, скрытый в себе, как улитка в домике. Пока еще не могу точно сказать, что за отношение у нее к Соне. Очень сложное, Ларчик, у нее внутреннее «я»! Соню она и любит, и как будто ненавидит – именно за то, что вот так ее любит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.